

СЕРГЕЙ БАЙБАКОВ

КУРГАН 1
ГНИЛАЯ ТОПЬ

Сергей Байбаков
Курган 1. Гнилая топь

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Байбаков С. Г.

Курган 1. Гнилая топь / С. Г. Байбаков — «ЛитРес: Самиздат»,
2008

ISBN 978-5-5321-2590-2

Отряд дружинников-вендов, сопровождающих юного княжича Добромила, разбил лагерь на берегу реки. В сумерках из болота, прозванного в народе Гнилая Топь, вырвалась невиданная нежить. Венды были вынуждены укрыться в полуразрушенной древней башне. Но и здесь, в эту страшную ночь, им не удастся найти защиты от неведомой жути, против которой бессильно привычное оружие...

ISBN 978-5-5321-2590-2

© Байбаков С. Г., 2008
© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1. Все только начинается	11
ГЛАВА 2. Древняя башня	18
ГЛАВА 3. Утопленник	23
ГЛАВА 4. Об упыре-албасте	31
ГЛАВА 5. Начало давней истории	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пролог

Под крутым обрывом на пересохшей речной отмели лежали бесчувственные тела вендских дружинников. Посиневшие руки сжимали рукояти мечей, которые воины так и не успели выхватить...

Ничто не предвещало беды. Тихий безоблачный вечер незаметно перешел в ночь. Потрескивали дрова в небольшом костре, над ним в закопченном котле варилась уха. Люди отдыхали. Кто-то водил камешком по лезвию меча, ведя неспешный разговор, или просто лежал, глядя в небо. И вот...

Протяжный тоскливый вой несся над ночной рекой. Гулкое его эхо, отражаясь от холодных волн, уносилось вдаль, стихало. И вслед, на противоположном пологом берегу появилось нечто. В скупом свете луны трудно понять – что именно. Долетал треск ломающихся ветвей, тонких стволов. Нечто ширилось, подминало чахлый осинник. Издавая глухие клопочущие звуки, неспешно ползло к береговой кромке.

Казалось, там растекается вскипевшая смола – так же вязко и неторопливо. Но только уж слишком много ее набралось – этой смолы. В какой-то миг нечто замерло – будто вслушиваясь, вглядываясь в ночь. Тишина длилась недолго. Снова заломило уши. Теперь уже не вой – а невыносимый рев. Нечто опять ожило, заколыхалось и двинулось к берегу. Затрещали деревья.

– Это леший кричит, дядька?! – вжавшись в камни шептал мальчишка лет двенадцати. Он обращался к седому старику, сидевшему рядом. Мальчишка испытывал невыразимый, ни с чем несравнимый ужас.

Такой трепет вспыхивает в предсмертный миг у загнанного животного. Клыки врага смыкаются на шее, прокусывают дрожащую жилу – испарывая ее. Затем – сначала теплым ручейком, потом кипящим потоком хлещет кровь, – по капле унося жизнь... И нет уже сил – ни вырваться, ни защищаться. Остается только замереть – дожидаясь избавительницы-смерти.

Впрочем, крови не было. Не было и клыков на шее. И, несмотря на запредельный страх, мальчишка храбрился изо всех сил. Ему казалось недостойным, что кто-нибудь из дружинников заметит, как он напуган. Воины сидят рядом. Полтора десятка... Все храбрые люди. Лучшие из лучших... Дружинники не должны видеть, как ему плохо. Однако храбрился мальчишка напрасно.

– Леший? – ослабевшим голосом шептал он. А потом мальчугану стало совсем худо. Лицо застыло. Стало синюшным – как у уопленника. Дрожащая рука сжалась на рукояти меча с такой силой, что казалось – из-под ногтей брызнет кровь.

Но воины не видели. Весь этот морок начался так неожиданно! Так внезапно! Никто не успел понять, что случилось. Тем более нет времени что-либо предпринять! Да и кто знает – куда отходить? Как защищаться? Где укрыться? Сначала в вышине что-то прошелестело, уносясь на полуночь. Быстро – быстрее сокола. Затем... Затем мертвящая тишина. Лес замер как перед грозой. Только глухо, как опущенная тетива, гудел ветер в вершинах сосен. А вслед...

Звуковой удар, прилетевший с дальнего берега, обладал такой силой, был настолько могуч, что всех находившихся на отмели вогнал в ошеломление. Будто кузнечным молотом по головам прошелся! Камни под ногами показались бы мягкой травкой в сравнении с мощностью этого звука!

Визг тысяч нетопырей и грозовые раскаты; грохот океанского шторма и завывание нечисти у кромки мира; все неведомое и жуткое – то, чему нет названия, – все смешалось в ужасающе-сильном, громовом и мертвящем таране. А потом пронесся вынимающий душу вой.

Два дружинника, собравшиеся ополоснуть руки, сейчас валялись в беспамятстве. Тяжелый, как гранитный валун, звук отбросил их от воды на добрый десяток саженей. У одного дружинника из-под головы сочилась кровь, рядом лежал товарищ с неестественно вывернутыми ногами. На долгие недели дружинник останется недвижим. И затем – на то время, что отмерят для жизни милосердные боги – останется колченогим калекой.

Дружинники сидевшие поодаль, у костра, чувствовали себя немногим лучше. Они не стояли рядом с рекой. Удар прошел выше голов. Никому всерьез вроде бы не перепало. Но... Кто-то схватился за шею – пронзенный удушьем. Кого-то скрючило в три погибели страшнейшим ударом подвздош – и сейчас мучительно выворачивало наизнанку. Причем выворачивало так, что казалось: вся утроба – все нутро! – бесконечно и мучительно лезут горлом.

Иным чудилось, будто их охватило огромными невидимыми жерновами. И сейчас эти жернова неторопливо выдавливают плоть и кровь. Выдавливают через поры кожи. Изнутри.

Словом, каждого терзало свое – самое мерзкое и тяжелое ощущение. И не передать его никакими словами – нет таких слов. И не описать! Никто из дружинников ничего подобного никогда не испытывал. А ведь эти люди пережили немало. Все они закалены жизнью, все суровые воины и охотники. Каждый видел столько невзгод, что иному хватило бы и на десяток жизней.

Хотя было в этом тяжком мороке и общее – то, что ощутили все. Сильным, здоровым мужчинам казалось, что их – как маленьких детей – помимо желания усадили на огромные уходящие к звездам качели. И сейчас их до рвоты раскачивают. Перед помутившимся взором прыгает небо; сквозь обрывки косматых туч несется полная, невозмутимая луна; мелькают черные воды реки и каменистая земля. Кажется, вот-вот соскользнешь и превратишься в большое мокрое пятно.

Все наваждение прекратилось в один миг. Морок исчез. Только тяжелый медный котел, в котором булькала готовая уха, странным образом не был сшиблен звуковым ударом. Он все так же висел на распорках, крепко вбитых в каменистую отмель. Но повел он себя самым странным образом: его край медленно клонился все ниже и ниже. И вот, через закопченный обод в зашипевший костер ударила тугая струя дымящийся жидкости. Казалось, чья-то невидимая рука медленно опорочивает котел. Костер зачал и угас.

Раздался неожиданно глумливый взвизг и скрежет невидимых когтей, оставивших глубокие борозды на выпуклом краю. Вслед – хлопанье призрачных крыльев и тихое хихиканье. То ли женщины, то ли ребенка. Опустевший котел закачался, затих. Наступила звенящая тишина, а вслед – бездумье... Обессиленные и прибитые люди смотрели в никуда застывшими глазами. Дружинники ничего не видели, не чувствовали. Мысли исчезли.

Первым опомнился старик. Хотя, какой там старик! Лет шестьдесят, не больше. Просто волосы не ко времени поседели – от невзгод. Старый дружинник, которого звали Любомысл, мотнул кудлатой головой и согнал тошнотворную одурь. Ему не впервой: бывалый мореход, искушенный боец – умело отражавший натиск врага на скользкой палубе; путник – исходивший все ведомые людям водные просторы и благополучно переживший не один ураган; странник – умудрившийся не только побывать в неизведанных даях, но и вернуться оттуда без видимых глаз увечий. Любомысл многое видел и испытал на своем веку. И сейчас бесценный опыт пригодился – чутье не подвело.

Помутневшие серые глаза Любомысла прояснились. Неожиданно цепкими и быстрым взглядом – он оценил последствия страшной напасти.

Что-то до боли знакомое! Опасное и до жути настоящее следовало за прекратившимся наваждением-мороком. Далекий рокот и шум напомнили ему о давних бедствиях. В глубине сознания, сметая остаток одури, вспыхнула тревога. Любомысл окончательно пришел в себя.

Вглядевшись в дальний берег, он вскочил. Резво – не по стариковски. Взвился – будто хищный зверь от ловушки отпрыгнул. Не говоря ни слова, Любомысл схватил обмякшее тело

мальчишки и без видимых усилий бросил себе на плечо. После взревел зычным и сильным голосом – схожим с ревом лесного быка-тура во время гона:

– Волна наступает! Все наверх! На обрыв! Быстро! Бегите отсюда! За мной! На обрыв! Бегом!..

Не теряя времени, Любомысл с неожиданной для его возраста прытью кинулся на полуночь. Вдгон стихшему эху. В сторону крутого каменистого обрыва, на вершине которого покачивались исполинские сосны.

Дружинники, очухавшиеся от его крика, увидели, что от дальнего пологого берега Ледавы идет невиданная по высоте волна.

Водная громада выглядела так, будто разом снесло запруду небывалой исполинской мельницы. В далеких морях мореходы иной раз встречают такие валы. Любомысл его как-то видел. Но только вот редко какому кораблю удастся спастись от такого вала.

А вода катила на людей. Вал стремительно набирал высоту. Размером он достиг высоты добротных каменных хором, а все рос и рос. Хищно изогнутый пенящийся гребень вала мог уже скрыть с верхушкой вековую сосну, если бы она стояла перед ним.

Никого из дружинников подгонять не пришлось. Не маленькие – сами беду видят!

На сборы ушли мгновения. Сказалась длительная воинская выучка. С оружием воины не расстаются даже в мирное время во время сна. Оружие – оно всегда под рукой. Остальное добро – наживное.

Четверо дружинников, не раздумывая, бросились к раненым. Надо вызволять – сам погибай, а товарища выручай. Этот закон свят. Остальные венды побежали к спасительному обрыву.

Успели не все.

Вал неожиданно быстро прикатил к обрыву. У самого берега его гребень взметнулся брызгами, чавкнул и жадно слизнул замыкающих дружинников. Они несли раненых...

Затем мутная пенящаяся бездна, крутя и перемалывая их тела донными валунами, древними корягами и прочим речным хламом, сотрясла обрыв. Земля не выдержала. Отломился широкий толстый пласт. Медленно и величественно осел – погребая под собой то, что осталось от людей.

Никто не понимал, сколько прошло времени. Может – проскользнул миг, а может – пролетела вечность. Дружинники чувствовали себя так, словно только что вышли из тяжелого боя. В бою времени не существует. Его не отмерить. В бою час – как мгновенье, и не понять, какое сейчас время суток – утро или вечерняя заря?

Ошалевшие люди тяжело дышали, понемногу приходили в себя.

– Да-а... – хрипло выдохнул кто-то, глядя, как вал, принятый могучей рекой, исчезал. – Еще б немного и отправились бы мы по лунной дорожке, да на велесовы пастбища! Спасибо, Любомысл! Спасибо старик! Сообразил...

Любомысл тем временем уложил мальчика на мягкую землю, подоткнул ему под голову свою суму, задрал рубаху и принялся проворно растирать грудь и щеки паренька.

– Спасибо, Любомысл! – смахивая со лба холодный пот, отозвался еще кто-то. – Удружил!

– Ладно уж! – буркнул старик. – Успокойтесь! И не такое бывало. Подумаешь – волна! Эка невидаль... Отодвиньтесь, бугаи. Не заслоняйте Добромилу дыхания! Столпились!

Дружинники послушно отступили. Старик дело говорит. Молодой княжич Добромил дороже всего. Дороже собственной жизни.

– Уф-ф! В самом деле, Любомысл! Ты молодчина! – воскликнул молодой дружинник по имени Милован. И судорожно сглотнув, добавил: – Когда вернемся – пир ради тебя закажем. Великий пир! А? Как, други? – обернулся Милован к остальным. Дружинники молчали, тяжело дышали – отходили.

Любомысл тоже не ответил. Старик сосредоточено занимался делом – бодро растирая мальчика и попутно вдывая ему в рот воздух и умело давя на грудь, – восстанавливал слабое дыхание. Так делают наглотавшимся воды.

Наконец, мальчик глубоко вздохнул, медленно раскрыл дрожащие веки и непонимающим взглядом обвел окружающих.

– Ну вот, Добромил, – ласково пробурчал старик. – Что ж это ты затеял, что ж ты нас пугать надумал! Такой сильный парень! Почти взрослый!

– Любомысл... – узнавая старика, прошептал мальчик и, неожиданно для самого себя, разрыдался. – Так больно было! Так страшно... Так давило...

– Ничего, княжич! Ничего! – старик нежно гладил голову Добромилы. – Все прошло! Все кончилось!.. Ты поплачь, княжич, поплачь! Вмиг полегчает! Уж я-то знаю! Дело известное! Любой тебе скажет! – и Любомысл бодро подмигнул мальчишке.

Долгих увещеваний Любомыслу не понадобилось. Детские невзгоды быстро забываются. Мальчик быстро успокоился, смахнул с глаз остатки слез и стал подниматься. Любомысл протянул руку, подставил плечо...

– Не надо, Любомысл! Я сам! – воскликнул княжич Добромил. – Сам встану!

Мальчику стало заметно лучше – он самостоятельно сел, отвергая помощь старика и здорового дружинника по имени Прозор.

– Ну, сам – так сам! – обрадовался Любомысл. Его воспитанник оживал на глазах, это замечательно! – Только резво не вскакивай – соизмеряй силу. После такого передела осторожность нужна. Не спеши! Поспешность ни к чему. Что там у вас? Все успели? – Любомысл обернулся к воинам. По мрачным лицам понял – дела плохи. Тихо спросил: – Кто?

Воины, над которыми только-что махала саваном близкая Смерть-Морана, молчали.

– Нет, не все, Любомысл, – отозвался молодой кудрявый парень по имени Борко. – Не все...

Старик обвел взглядом дружинников. Шестерых недосчитался.

Прозор поймал взгляд Любомысла, тихо сказал: – Рыбака нет. Ведени Водяного. Бедолага, когда эта жуть началась, в своей лодке рылся. Особую приправу искал для ухи. Я заметил – его первым скрутило, а потом и до нас дошло.

Снова нависло молчание. Люди пытались осознать неожиданную и такую глупую гибель друзей. Ведь смерть нелепа – если она не предрешена заранее. В голове не укладывалось – погибшие только что сидели рядом, делились едой, глотком крепкого хлебного вина. Разговаривали... перебрасывались незатейливыми шутками. Теперь друзей нет.

– Может, смогут выплыть? Как думаете? – терзался Борко. И с присущей ранней молодости самоуверенностью воскликнул: – Я бы наверно смог... Они ведь... Их ведь... Их ведь даже смерть не враз одолеет! – Борко отвернулся. Не хотел, чтоб видели его лицо с увлажнившимися глазами. Дружинника слезы не красят.

– Может и смогут. Никого не хорони, Борко! Не хорони, пока сам не снарядишь покойника к прародителям! Да не справишь по ушедшим достойную тризну! – прервал его высокий воин.

Плащ на нем иной, не такой как у остальных: более длинный, не доходивший до земли всего пару пядей. Густо-бордовый, с вышитой золотом застывшей в прыжке рысью. Он отличался от черных плащей воинов с серебряным шитьем на плечах. Этот дружинник предводитель отряда. Зовут его Велислав.

– Похожих случаев не счесть! – Голос предводителя поражал силой и твердостью. – И еще! Никто не видел их мертвыми! А раз так – надежда есть!

Уверенность Велислава возымела успех: поникшие дружинники воспрянули, Борко провёл рукой по лицу, смахнул набежавшую слезу и повернулся. Напоследок, чуть слышно шмыг-

нув носом, постарался напустить на себя суровый вид. Княжеский дружинник не должен раскисать. Всё! Что было – то прошло.

Тем временем Велислав кратко распорядился.

– Дружинники! Осмотрите лошадей! Им тоже перепало от этой мари. Все уходим в башню! Лошадей туда же. Все обсуждения потом!

Велислав оглядел дружинников, насторожился. Твердо на ногах стояло лишь несколько человек. Иных воинов шатало, их бил озноб. Плохо дело: хворые.

Велислав повернулся к здоровенному, выделявшимся ростом и статью воину.

– Прозор, друг! Помоги. Ты во тьме видеть горазд.

Богатырь пожал плечами, будто говоря: «Эка невидаль. Мог бы и не говорить – все сделаем как надо!» Оглядел дружинников, сразу определив: кто тверд, кого не сильно прибил морок. Махнул рукой – мол, за мной! – и стремительной тенью скользнул туда, где доносилось ржание и хрип перепуганных коней. Со стороны башни навстречу им уже бежали три воина – их оставили для присмотра за лошадьми.

– Мы в порядке! – на бегу крикнул Прозор. – С нами бегите, лошадей собирайте! В башню заводите!

Дружинники исчезли в ночном лесу.

Остальные, так и не отошедшие, прибитые, устало направились к башне. Она возвышалась неподалеку, темным зубчатым верхом нависая над соснами.

Велислав же неспешно подошел к обрыву, и какое-то время смотрел на темную воду. Река так неожиданно взяла жизнь людей. Добрую треть воинов. Шесть человек из восемнадцати. Со своими дружинниками Велиславу много чего довелось пережить. Их связывала и крепкая мужская дружба, и воинское братство. И потому потеря каждого оставляла на сердце долгую глубокую рану, добавляла в темные волосы серебристый налет.

Река Ледава все так же неторопливо катила ночные волны. Уже ничего не напоминало о недавней беде. Только теперь сухой каменистой отмели, где они вечеряли, не существовало. Ее размыло, и сейчас из воды виднелись замшелые илистые глыбы и коряги. Луна же избавилась от рваных туч и вновь засияла. Перед мороком ночное светило как-то сразу спряталось в них, укрылось. На противоположенном берегу, откуда грянула неожиданная гибель, сейчас и тихо, и спокойно. Лишь лунный свет заливает болотистое редколесье, которое в народе издавна звали метким словом – Гнилая Топь.

Велислав встал на колени. Сгреб немного сухой травы, прошлогодних листьев и мелких сучков, добавил несколько пригоршней ломкой хвои, достал трут и громовой камень – кремень. Кресалом высек огонь. Загорелся слабый огонек. Из ножен вытянул меч, положил перед собой. Богам надо дать положенную требу: хоть что-нибудь, сделанное своими руками. Ничего такого у дружинника при себе не оказалось. Но своими руками он умеет делать многое. Ну что ж, боги милостивы, пусть примут кровь. Лезвием меча неторопливо и глубоко провел по ладони. Капли крови стекли в жаркое пламя. Велислав вознес краткую молитву.

– Великий Дажьбог! – Воин говорил негромко, почти шептал. Боги услышат. – И ты, славная прародительница Снежная Рысь! Будьте милостивы к своим правнукам! Сделайте так, чтобы они выжили, а если нет – то примите по-доброму души достойных людей, погибших как воины – спасающих жизнь не свою, а побратимов. Пусть они с легкостью пройдут Звездный Мост, и Огненный Волх не чинит им препятствий. Пусть Велес не держит их у себя – на своих лунных пастбищах. У него и так достаточно кому обихаживать его скот. Пусть в Ирии, среди славных предков, для них будет уготовано почетное место. Оно принадлежит им по праву...»

А про себя тоскливо подумал: «Не уберег, но кто же знал. Простите, братья...»

На миг показалось, что вдалеке – там, где река делает широкий изгиб, в волнах что-то сверкнуло. Будто искорка отразила лунный свет. Будто тускло блеснула кольчужная сталь. А может, только показалось...

Постояв немного, Велислав повернулся и пошел к остальным. Надо жить дальше.

ГЛАВА 1. Все только начинается

Идя к башне, Велислав поклялся:

– Я узнаю, что это было! Я узнаю, что угрожает нашей Альтиде, моим родным вендским лесам! Я выясню, что за дрянь убила моих друзей! Я одолею нечисть, что выползла из Гнилой Топи!

Из леса несколько дружинников спешно вели небольшой конский табун.

Хорошо, что стреножены, иначе разбежались бы по лесу. Пока всех соберешь! Да и соберешь ли? В ночном лесу напуганные кони разбегутся – ищи-свищи! На первый взгляд казалось – все жеребцы целы. Но вот здоровы ли? То, что недавно ударило по людям, наверняка зацепило и коней. Возможно, лесной кров смягчил удар. Каждый воин вел трех-четыре жеребцов зараз. Остальные, которых не держали под уздцы, не отставали и с надеждой тыкались людям в спины: мол, возьми! Не оставляй! Меня тоже приголубь. Не забудь и про меня! Вид жеребцов вызывал боль и жалость. Кони пряли ушами, приседали и жались – и к людям, и друг к другу. Они жалобно всхрипывали, тихо стонали, дышали часто и трудно. Со взмыленных боков кло-чьями летела пена.

Казалось, кони не только до смерти напуганы, но еще и до крайности загнаны кем-то, или может, чем-то, – очень для них страшным.

– Хорошие... хорошие... – С лаской в грубом голосе повторял один из дружинников. – Ну, не бойтесь, родные... не дрожите, родимые. Не надо бояться, – все прошло, никто вас больше не обидит. Пусть только кто попробует! Я ему задам!

Увидев предводителя, дружинник крикнул:

– Велислав! Мы их прямо в башню заведем! Там и для них местечко найдется. Пусть рядом с нами будут: им так спокойнее – напуганы очень... если их к коновязи, или в конюшню, то опять одни останутся – плохо... Им сейчас ласка нужна, поговорить с ними надо. Видишь как жмутся – страшно им. Эх-х!

– Хорошо, что ноги спутаны, – рассуждал идущий следом Борко. Молодой дружинник не отставал от товарищей: в каждой руке сжимал аж по три уздечки. Старался, стыдно за ту неожиданную слезу. – Набегались бы мы по лесу! Пока б всех собрали! Да и не поймать их – со свободными ногами-то! Быстры, ловкостью не возьмешь. И сухариками после такого вряд ли приманишь. В жизни не видел, чтоб кони так боялись. Даже от волков, да от беров у них и то испуга меньше. Будто мертвяки неприкаянные объезжали, да гнали – чем ни попадя не разбирая дороги! Сбились бедные коняшки в круг! Прижались друг к другу и стонут – будто хворают тяжело. Слышите – чуть не плачут.

Борко говорил, говорил... Не мог остановиться. На него нашло. Такое происходит с людьми после тяжелого испуга. Когда все позади, язык сам трещит без умолку. Велислав не раз такое видел. Ничего – это пройдет. Человек после передряги крепче становится. Губы Велислава тронула улыбка. Справный воин выйдет – быстро смятенье одолел.

– Верно, ведите их в башню, – ответил Велислав. – Внизу, на первом ярусе на всех места хватит. И им спокойнее, и нам. – Пояснил: – В конюшню не надо. Ну ее... Кажись от этой напасти никакой конюшенник не спасет.

У стен башни, сложенной из гранитных валунов, вот уже много лет была примощена основательная деревянная пристройка. Ее сработали из любезного для конского здоровья дуба. Сделали пристройку на совесть. Для каких целей ее ставили – непонятно, ведь рядом огромная башня. Но со временем пристройка превратилась в просторную конюшню. Внутри соорудили просторные стойла и клетки в которых хранился запас отборного зерна и душистого сена. Снаружи пристройки, под навесом, находилась коновязь.

– Хорошо б им овса задать, быстрее успокоятся, – прогудел Прозор. Он уже распахнул высокие, укрепленные кованными железными полосами, башенные ворота. – Ведите их сюда. Сейчас огонь зажгу. Воды давать не будем. Вид у них – будто сто верст без передыха отмахали. Запалим – чего доброго, не сгубить бы.

Прозор, скрылся в проеме. Вскоре темный проем осветился, Перед башенными воротами заиграли блики света.

– Вводите! – вернулся Прозор. – Пойду в конюшню, гляну. Должен овес быть. С осени несколько подвод завозили. – Дружинник скользнул в конюшню.

Прозора редко видели унылым. Казалось, рослый воин не ведает усталости. Порой иные валяются с ног, а ему ничего – бодрый, общительный и дело делает, будто только что отдохнул. И никто не видел дружинника унылым. Прозор всегда храбрый, готовый ко всяким испытаниям прирожденный охотник и славный воин. Он, не задумываясь, бросился бы в самую опасную сечу, или вышел бы в одиночку – без оружия – против матерого бера. Никому не приходило на ум усомниться в его храбрости и силе даже в шутку во время хмельного застолья. Хотя, как и Велислав он уже перешагнул за тридцать годков, Прозор в душе остался доверчивым ребенком. За это его обожал княжеский наставник Любомысл. Он часто беззлобно подтрунивал над великаном. Прозор ему так же отвечал, но обиды друг на друга они не держали. Любомысл повидал немало стран, много узнал. Прозор с удовольствием слушал рассказы мудрого и острого на язык старика.

Вскоре Прозор вышел из широких дверей конюшни. На каждом его плечо лежали по два объемистых мешка. Скорым шагом дружинник направился в башню, по пути оглашая окрестности зычным голосом:

– Есть овес! Я точно знал – в первой клети свален! Там еще мешки есть, лежат в дальнем углу, у бочек. Ай, да что я! Вы ж все равно во тьме не видите! Кто-нибудь свет в конюшне запалите! Помогайте братцы – кто еще не сомлел. Вижу, плохо вам. Да надо перетаскать: пусть под рукой будет. Хорошо б еще сена.

– Сбрую и седла прихватите! – крикнул Велислав. – Не до сена! Его потом заберем. Упряжь в первую очередь – мало ли что будет.

Раздался тихий стук о землю. Потом, еще раз. И еще...

– Э-э! Да что с вами, ребята? – Велислав увидел, что три дружинника бессильно лежали на белесой, покрытой ночным туманом земле. Присел над ними.

– Плохо?!

– Знаешь, Велислав, – прохрипел один из дружинников, остававшихся у башни сторожить коней и только что бодро выводивший их из леса. – Когда у вас на отмели невесть что началось – нам тут тоже досталось. Костер сразу погас – будто и не горел. Смрад от него пошел, не передать. Потом вроде бы как женский смех... а может детский. Над нами захлопали крылья, похо...

Дружинник не договорил. Его потрянуло, тело выгнулось дугой. Дружинника забила дрожь. На губах появилась пена; глаза закатились и подернулись мутью. Дружинник на мгновение потерял сознание. Придя в себя, он забыв, что хотел сказать, опять хрипло зашептал: – Ох... Велислав, и неприятный то был смех! Нас тошнить начало. Потом отпустило – мы к вам бросились... пока коней собирали – вроде ничего было. А сейчас...

Воин, лежащий рядом, стучал зубами, из носа текла кровь.

– Плохо... – прошептал он, и зашелся в кашле. – Ты уж не взыщи с нас, Велислав. Голова кружится.

– Так! – воскликнул Велислав. Повысил голос: – Ребята, кто хвор – быстро наверх. Кто здоров – им на помощь! Не мешкайте! Болезнь на ногах не одолеешь!

Велислав обернулся. Сзади него дружинники казались здоровыми. Но, нет! Их тоже одного за другим поражала неведомая хворь. Они шатались. Сначала один, что-то невнятно промычав, свалился на землю. Потом другой. Непонятный недуг выкашивал людей.

– Прозор! – встревожено крикнул Велислав, выискивая глазам друга – как он?

Прозор таскал мешки. Ему помогли Борко и Милован. Непонятная хворь их не поразила. Чуть не бегом трое дружинников сносили конский припас в башню.

– Я Прозору помогу! – бросился к конюшне княжич. – Я себя хорошо чувствую! Правда-правда! Любомысл! Велислав! Вы хворых уводите! Прозор, подожди меня, покажешь, что брать надо...

И мальчик, невзирая на слабые протесты своего наставника, выразившиеся в безмолвных взмахх руки, скрылся в темном проеме конюшни.

Любомысл смотрел на дружинников, бессильно сидевших у широких башенных ворот, и только беспомощно качал головой. Мол: «Ну что тут поделаешь? А? Вон, малец-то, здоровее иных мужей оказался!»

Пристально взгляделся в одного, другого... «Да – дело плохо. Дружинники вянут прямо на глазах. Надо их растормошить. Сейчас лишняя обуза ни к чему! Лучшее средство от хвори – это чем-нибудь занять себя. Неважно чем. В море всегда так. Мореходы это знают – в море болеть недосуг».

– Да очнитесь вы, братцы! Все кончилось! Воины вы – иль нет?! Дальше жить надо! Помогайте – пошли в башню, светильники по ярусам разжигать. Там передохнете. Не в темноте же горе горевать. У кого трут есть? Кресало? Доставайте! За мной, воины!

Любомысл вступил под гулкий свод. Кажется, его слова и задор подействовали. Ослабевшие, сраженные неведомой хворью дружинники поднялись. Качаясь и пошатываясь – будто крепко выпившие люди, пошли за стариком.

После того, как лошадей завели на нижний ярус башни, Прозор с усердно помогавшим ему княжичем, а также с державшимися на ногах молодыми дружинниками – Борко и Милованом, которых хворь вроде бы не взяла, перетаскали в башню лошадиную упряжь, остатки овса и сколько хватало рук – сена.

Велислав внимательно осмотрел площадку перед башней, обошел вокруг стен. Прошел вдоль ближних сосен. Снаружи никого не осталось – все вошло в башню. На всякий случай зычно покричал:

– Эй! Снаружи никто не остался? Никого нет?! Сейчас ворота запираю буду! Дайте знак, если кто есть! Я подожду!

Сверху, из узкой бойницы раздался голос Любомысла.

– Все тут, Велислав! Не беспокойся! Все! Я проследил! Всех хворых уже уложил. Запирай ворота, Велислав! Все на месте!

Про себя же Любомысл тихонько, чтоб никто не слышал, прибавил: – Все, Велислав. Все тут. Все – кто жив пока...

В низовом ярусе на кованых, вогнанных меж камней крюках висели масляные светильники. Тут царил полумрак. Язычки пламени мерно и спокойно колыхались за толстым стеклом. Они светили неярко, но зато надежно и безопасно. Случайный пожар от лучины или факела башне не грозил, хотя внутри много дерева. Войдя в башню, Велислав с усилием задвинул тяжелые створки ворот. Потом, с помощью Борко, Прозора и маленького княжича наглухо заложил их тяжеленным дубовым запором.

– Все, ребята, ночь тут переждем. Тут нас никаким тварям не достать. Зубы обломает. Пошли наверх.

Внутри небеленых стен сухо и тепло, хотя недавно прошла весенняя оттепель, сошел снег, да и само строение стояло недалеко от продуваемого ветрами речного устья.

В башне никто не жил, но, несмотря на это, все немалое хозяйство содержалось в должной чистоте и опрятности. Не видно – ни застарелой махровой паутины на стенах, ни поросших плесенью углов.

Изба сгнувшего рыбака, Ведени Водяного, стояла неподалеку. Он-то и следил за порядком и обустройством башенных помещений. Протапливал этот нехитрый приют для случайных путников, вынужденных остановиться на отдых или ночлег, как издревле это принято в благодатной стране. Ведь неизвестно, кто и когда в башню заглянет и заночует.

Когда построили это огромное сооружение, никто из ныне живущих людей не знал. Да и откуда? Башню покрывала тьма веков. Несмотря на время, она хорошо сохранилась. Башня осталась от давнопрошедших времен: от древнего, жившего в незапамятные времена народа. О котором ныне живущим ничего неизвестно. Никто: ни один волхв, ни один чародей, ни один умудренный годами кудесник, никто не ведал, каким именем называл себя древний народ, каким богам поклонялся, куда сгинул. И главное – были ли это люди? Это осталось великой тайной...

В разных местах подлунного мира: и в земле Альтиды, и в дальнем иноземье, кое-где встречались подобные строения. Иные из них обветшали, время и безжалостная стихия наложили на камень неизгладимый след. Иные же наоборот – сохранились в первозданном виде. Строения выглядели по-разному. Не обязательно, как одиноко стоящие зубчатые башни.

Порой в глухом лесу, неожиданно встречались останки большого замка, выбеленные солнцем стены которого изъели дожди и ветра. А внутри развалин успело прорасти, тихо состариться и умереть не одно поколение вековых дубов. Среди холмов и полей встречались поросшие мхом остовы домов, куски крепостных стен. Кое-что сохранилось неплохо. И непонятно – почему? Некоторые постройки имели такой вид, что если не знать, что их возвели во тьме веков, то можно было бы подумать – их складывали вчера. В них валуны остались свежими и не шербатыми. И защитой от кого служили эти древние стены, тоже неясно. Не сохранилось ни преданий, ни сказок.

Встречались и другое: люди иной раз наталкивались на диковинные каменные колодцы. В некоторых через край нескончаемым ручейком стекала чистейшая вода. Чудно то, что порой колодец находился на вершине холма, вокруг ни одного ручейка, а в колодце вода есть. Отчего? Может быть в древности их поставили на месте бивших из под земли ключей? А некоторые колодцы заброшены – пересохли. Стенки обвалились, а брошенный вниз камень исчезал в безмолвии.

Порой из колодца доносился глухой шум. Он походил на далекий гул ветра, перемежаемого вздохами неведомого зверя. Кто или что вздыхает в глубине, никто не знал. А посмотреть – что гудит в непроглядной тьме, смельчаков не находилось. Никто не хотел лишний раз искушать судьбу. Вдруг эти колодцы вход в иной мир, куда после смерти отправляются грешившие люди? А вдруг это вход в пекло? Или там вечный лед? Может, кто-то и решался спуститься в колодец, да посмотреть. Да вот спустившись, так и оставался в ином мире. И вестей ему уже никогда не подать. Никто не знал, что внизу.

Иной раз, в самых неожиданных местах, попадались древние мощные брусчатым камнем, дороги. Они брали начало в неожиданном месте, например – посередине поля, и так же неожиданно обрывались – где-нибудь в глуши болота, или в непроходимой чащобе.

Бывало так, что часть такой заброшенной дороги вела от середины небольшого пустынного острова, начинаясь от нагромождения камней, оставшихся от неведомой постройки. Дорога доводила до усыпанного галькой берега и плавно скатывалась в морскую глубь. И куда же она вела? Почему оказывалась под водой? Кто знает – что скрывала тьма веков? Какие изменения претерпел мир? Пройти по древней дороге дальше, и посмотреть, куда она ведет, конечно никто не мог. Люди ведь под водой дышать не умеют.

Кое-где эти древние строения люди приспособили для своих нужд. Ну а некоторые, которые – ну никак! – нельзя приспособить, так и остались в запустении. Кому нужна лежащая посреди леса дорога? До нее еще надо дойти, продираясь сквозь густую чащобу. Или на что сгодится пустой бездонный колодец, ведущий, может быть, в самое пекло?

В дальних краях люди даже близко не подходили к таким древним постройкам. Почти в каждой стороне считалось, что с ними связано что-то нечистое. Куда делись древние люди? Кто о них хоть что-нибудь слышал? Может, их забрали злые духи? А может, наоборот, – духи все это сотворили? Ответа никто не знал...

Впрочем, такие страшные домыслы гуляли в иноземье. В Альтиде же, наоборот, постройками, оставшимися от древнего народа, умело пользовались. Вот и венды, давно облюбовали эту старую башню, стоящую среди их необъятных лесов. Они нашли для нее хорошее применение. Древняя Башня, как ее издавна называли, располагалась удачно: на высоком холме, недалеко от реки Ледавы, а сама Ледава через пару верст заканчивала свой бег и впадала в Варяжское море. В ясную погоду с верхней площадки башни просматривались и желтые пески Янтарного Берега, и скалистые, в легкой дымке, острова. Они лежали на полуночи, там жили вестфолдинги, и с них начиналась их суровая земля – Вестфолд.

Вообще-то шедшие в Альтиду многочисленные парусные и гребные корабли мало интересовали жителей вендских лесов. Все корабли проходили мимо высоких стен крепости Виннета. Там мореходы все равно останавливались. В Виннете они разясняли, в какой именно город или место Альтиды собираются идти, ради чего идут. Просто так мимо крепости не пройти: Виннета – это сторожевые ворота всей страны, через них нет свободного прохода. Такой порядок установили после того, как тридцать лет назад – драккары вестфолдингов вошли в Ледаву и беспрепятственно дошли до Триграда. Вестфолдингам, пришедшим якобы по торговым делам, удалось беспрепятственно захватить Триград. В дальнейшем они хотели покорить Альтиду.

Благодаря удачному расположению Виннета стала сильным укрепленным постом пограничья, на котором в случае сомнения могли с легкостью задержать любое судно. Со dna реки поднимали цепи. Они надежно перекрывали дальнейший путь. И сама Виннета укреплена: врагу, нападавшему с суши, пришлось бы не один месяц осаждать крепость. Этого времени достаточно, чтобы стянуть войска со всей Альтиды и разбить изнуренного длительным сопротивлением неприятеля.

Древняя Башня над рекой Ледавой служила для наблюдений за происходящем на море. Но не за кораблями, входящими в реку, ни за землями соседей, а для иной, более важной цели.

Войн Альтида не вела. Последний раз войска созывались десять лет назад. На Альтиду шли дикари-бруктеры, и их победили... Но существовало иное, не менее грозное бедствие, чем нашествие иноземного врага. И приходила эта беда хоть и нечасто, но всегда неожиданно...

* * *

Иногда из холодных, мрачных пучин океана, на солнечный свет поднимались жуткие огромные чудовища, известные всем прибрежным народам. Их называли саратаны. Чудовища были столь велики, что, обхватив своими щупальцами большой морской корабль, легко топили его. Если на плывущем по морю корабле замечали огромную бугристую спину саратана, то мореходы использовали все имеющиеся возможности, прилагали невероятные усилия, чтоб как можно быстрее добраться до ближайшего берега, или наоборот – скрыться в морской дали. Если саратан заметит корабль – у мореходов не будет даже надежды на спасение!

Чудовища наводили ужас на стоящие у воды города. Неважно, хорошо укреплен город, или нет. Если саратан забирался по крепостной стене и попадал внутрь города, то наносил большие разрушения. Убить чудовище сложно. Саратаны невероятно живучи, и обладают разумом.

И даже когда саратана убивали, то еще долго щупальца чудовища бесцельно били по сторонам, проламывая стены домов.

Для саратанов все едино: что каменные города Срединного моря, что ветхие городки Оловянных Островов. Любой город, или поселение, куда проникали чудовища, разрушался стремительно и безжалостно. По суше саратаны передвигались резкими скачками и без труда настигали бегущую лошадь. Но далеко от воды они не отходили. Останавливала чудовищ только высота крепостных стен. Саратаны могли появиться в любом месте океана, у берега любой страны. Чудовища никогда не плавали в одиночку. На города всегда нападали несколько саратанов. И всегда это происходило неожиданно.

Для Альтиды чудовища были серьезной угрозой. Ведь ее города, как правило, строились у воды. Поэтому, на каждой пограничной реке стояли сторожевые башни.

Для наблюдения за рекой Ледавой сторожевую Древнюю Башню использовали в осеннюю пору. В остальное время она пустовала. Давно подмечено – саратаны выходят из глубин океана осенью. А выползают на землю и нападают на города ко дню осеннего равноденствия, или позже – когда день пошел на убыль – к зиме.

С зубчатой крыши Древней Башни хорошо просматривалось светлое дно Ледавы. Заметить плывущих по реке саратанов не составляло труда, особенно днем. Если же стояло ненастье, то по бурунам идущим от середины реки можно понять, что под водой плывет что-то большое. Но обычно над речными волнами выступали черные спины саратанов: чудовища велики, и глубоководная река для них мелка. Ночью щупальца и туши саратанов переливались неярким сероватым светом. И не заметить это свечение мог только слепой.

Поэтому, с началом осени в Древнюю Башню, и по всему берегу Ледавы выставлялись дозоры. Днем и ночью люди следили за рекой. Если они замечали что-нибудь подозрительное – хоть чем-то схожее с приближающимися чудовищами! – незамедлительно давали тревожный сигнал.

Происходило это так. На верхней площадке башни стоял навес. Под ним лежали просмоленные бревна. Рядом стояли бочки с тягучей черной смолой. Эта смола вспыхивала как сухая береста. Только искру брось!

Тут же на площадке висел большой бронзовый колокол. Набат хорошо слышен по ночной реке.

Если замечались саратаны, то бревна поджигались. Для надежности в него бросали бочонки со смолой. Не жалко! Каменным стенам Древней Башни огонь не страшен. Днем костер давал высокий столб черного дыма. Ночью зарево костра хорошо просматривалось до ближайшей речной излучины. Там тоже стоял навес, и под ним загодя приготовленные смоленные дрова и, опять же – жидкая смола в бочонках.

Как только на верхней площадке Древней Башне вспыхивал костер, поджигался следующий – на излучине. Костры вспыхивали дальше, вдоль всей реки, по цепочке, передавалась весть об опасности: в Ледаву вошли саратаны. До виннетской крепости тревога доходила стремительно. И сразу же на главной крепостной башне начинал гудеть вечевой колокол, набатом предупреждающий, что в Ледаву вошли саратаны. Казалось, колокол сотрясает саму реку! Пришла беда! Вечевой колокол гудел так мощно, что его звук слышали даже в лесу, в дальних вендских деревеньках.

Предупрежденные жители спасались бегством, уходили в леса. Туда саратаны не совались – исполинский вендский лес служил надежной защитой от чудовищ. А в самой Виннете начиналась подготовка к обороне: лучшим средством против длинных щупалец чудовищ служила липкая кипящая смола. Ошпаренный ею саратан, сразу же сваливался с высокой стены, бился в судорогах, не мог больше нападать... Смола хорошо горела и на воде. Спасения чудовищу нет! Также на стенах Виннеты стояли осадные метательные орудия. Кучный удар тяжелых камней мог разорвать тушу саратана в клочья.

При первом ударе колокола со дна реки при помощи могучих воротов поднималась, толстая цепная сеть. Она удерживала чудовищ, преграждала путь дальше – в Великое Озеро, в многочисленные реки Альтиды. Чтоб преодолеть цепи саратанам приходилось выбираться на сушу. Тут их поджидали защитники крепости

Выработанный десятилетиями способ себя оправдывал. Людей гибло меньше, да и саратаны, обладая некоторым разумом стали избегать Ледавы и искать более легкую добычу в других местах.

ГЛАВА 2. Древняя башня

Древняя Башня состояла из четырех высоких ярусов. В самом низу хранился большой запас дров, стояли бочки с водой. У дальней стены стоял длинный и широкий стол. На нем лежала мудреная рыбацкая и охотничья снасть: мелкие сети, остроги для рыбы, верши, корзины для ловли раков. Отдельно – силки на птиц, ловушки на мелкого зверя.

На стенах висели рыбацкие сети, бредни. Тут рыбак Веденя Водяной держал свое хозяйство – река рядом, ничего не надо тащить издалека. Неизвестно, что понадобится завтра. Отдельно хранилось боевое оружие: в ряд стояли мощные рогатины, легкие копья-сулицы, рядом висели круглые щиты.

Второй ярус, не такой высокий как первый, отведен под съестной припас. Всюду стояли плотно закупоренные бочки с зерном, мочеными ягодами, грибами и соленой рыбой. Стояли маленькие бочонки с медами, вином и хлебной водкой. На потолочных балках висели связки прокопченной и вяленой рыбы, куски сушеного мяса, густо пересыпанные травами копченые окорока. На стенах, заполняя все помещение терпким приятным запахом, висели связки сушеных грибов, чеснока, лука и каких-то лесных трав и корешков.

На третьем, уже жилом ярусе, в дальнем углу за занавесями стояли широкие лавки. На лавках, покрытых ворохом выделанных шкур, безмолвно лежали так внезапно захворавшие дружинники. Лежали молча – ни стоны, ни вздоха. Полузакрытые глаза людей подернулись мутной пленкой, веки дрожали, дыхание неуловимо.

Посреди просторного помещения стоял большой стол, вдоль него длинные скамьи. У стены, неизвестный печник-умелец пристроил большую печь. На стенах полки с кухонной утварью.

Над третьим ярусом уже шла увенчанная зубцами крыша – покрытая каменными плитами площадка. Ее тоже считали ярусом – четвертым, последним и самым важным. Ведь на крыше хранились смоленые дрова и висел сигнальный колокол.

Помещения сообщались между собой широкими каменными лестницами. К люку, ведущему на верхнюю площадку башни, вход сделали простой, сколоченный из плашек мореного дуба. Каменная лестница обвалилась в незапамятные времена, и восстанавливать ее почему-то на стали. Дуб тоже хорош, да и не так скользит под сапогами, как гладкий камень.

Велислав скинул плащ и повесил его на вбитый в стену крюк. Рядом уже висели плащи воинская утварь других дружинников: тяжело тускневшие кольчуги, щиты, оружие.

– Всё, ребята! Располагайтесь! Здесь напасть переждем, раз так случилось. Не вышло на бережку ночь посидеть, ушицы отведать.

Велислав тяжело опустился на лавку, подпер подбородок кулаком. Несколько мгновений сидел, закрыв глаза, расслабился. Тяжелая складка пересекла лоб – сказались события, напряжение последнего часа. Слишком оно велико, даже для такого бывалого человека как Велислав.

– Сегодня никуда не двинемся, друзья захворали. Что за лихоманка их одолела, не знаю. Ясно лишь то, что все с проклятой Гнилой Топи пошло: и вал этот, и болезнь. Ответ там... Но я его не знаю, вы тоже. Хочу ночью понаблюдать за болотом. Надо узнать, что это по нам так вдарило, может получится... За этими стенами нас никакая нечисть не достанет. Такие у меня мысли. Что скажешь, Любомысл? – Велислав бросил взгляд на занавесь, которой отгородили больных дружинников. – Seriously их прихватило?

– Плохо дело, Велислав. Я о таком поветрии не слышал. Все сразу и непонятно с чего. Они сюда еле поднялись, спотыкались. Ослабели... Будто не воины, а годовалые детишки. У всех носом кровь пошла. А потом свалились в беспамятстве. Я думаю, нам уже ничего не грозит. Если б нас поветрие зацепило, то рядом с ними сейчас бы валялись... Может быть.

Велислав встал, в сопровождении Любомысла прошел за занавеску к больным. Потрогал лбы.

– Не знаю, может и отойдут: жара-то нет. Дыхание ровное. Пусть лежат, что-нибудь придумаем... – Любомысл же шепнул: – Думай, старик! Ты же весь мир видел.

Любомысл пожал плечами, потом твердо кивнул: «Придумаю, Велислав!»

Выйдя из-за занавеси, Велислав постарался выглядеть спокойно. Оглядел воинов, улыбнулся: – Ребята, а вы чего сидите? Хозяйствуйте, ночь впереди!

– Я печь растоплю! – вскочил Борко. – Князь Добромил, давай, помогай мне.

Мальчик готовностью достал из своей сумы кремень и кресало. Бросился к печи.

– Вот, Борко! Только, чур я запалю! Уж я-то сумею!

Добромил черкнул по кремню, вылетели искры.

Борко, а вслед за ним и Милован заухмылялись:

– Молодец княжич! Настоящий дружинник должен уметь все! Даже огонь из ничего добыть! Из дощечек, к примеру, которые друг о друга усердно тереть надо.

– Видела бы тебя твоя челядь и мамки. А еще б лучше княжеский истопник! Вот загрустил бы дедок! Оказывается, никому он уже и не нужен – князь сам печки топит, тепло в палаты пускает! Только, прежде чем искры высекать, ты бы княжич, сначала печь проверил – ровно ли дрова уложены. А то ведь задохнемся.

– Тихо! Тихо! Развеселились... – прервал их Велислав. – Вы ж знаете – виннетский князь не такой, как другие князья. Князь Молнезар никому из нас ни в чем не уступит: ни в походе воинском, ни в хозяйстве мирном! И хочет он, чтоб и его наследник тоже все мог и умел! Для чего Добромил с нами? А? Как думаете? Вам, молодым, еще самым многому чему поучиться надобно. Нечего над другими зубоскалить! Княжич Добромил не виноват, что позже вас родился, да моложе немного! Не обращай на отроков внимания, княжич Добромил, делай, что хотел, – подмигнул Велислав мальчику.

Борко и Милован насупились. Поняли, что хотел сказать Велислав. Отроки! Ну да, они недавно в дружине, это так. Но никакие они не отроки! Они дружинники!

Добромил сверкнул глазами в сторону развеселившихся дружинников:

– Зря смеетесь! Борко! Милован! Я много чего умею! Скажи им Любомысл. – Княжич повернулся к старику. – Ведь умею?! Да?! И еще научусь обязательно. Не чета вам буду! Над младшими зубоскалить вы горазды! Помогли бы просто. А княжеская челядь – она меня не касается. Еще чего! Пусть гостей обхаживают – для того их отец и держит. Сами понимаете – князю самому ничего делать нельзя. Особенно при других, иначе уважение потеряет. Вот! Князю почет оказывать надо. Это же понимать надо! Как мол так – князь, а сам себе обед стряпает! Мой отец не такой, и я таким не буду!

Тут уже развеселился Велислав:

– Ну, ты княжич, тоже сказал – обед стряпает! Где ж это видано! Хотя – ты прав. Твой отец, князь Молнезар, умеет и ведает многое! Он воин, а будь он по рождению вендом – все б считали его прирожденным охотником. Он душу леса чувствует! Я-то его знаю! Но вот на людях, а особенно при тех, кто властью обличен, он должен себя по-другому вести. Я на других владык предостаточно насмотрелся. Было как-то... Иные властители – ох как чванливы! Не подступись! Показывают всё, какие они особенные. Хотя, сними с них спесь – станут люди как люди. Вот и ему – нашему князю Молнезару – приходится вид делать, что он тоже как они. Мол, тоже – уважение нужно. А князь Молнезар другой. Это все венды знают!

Велислав стал серьезным. Ему и самому невдомек, отчего люди – все от рождения равные – меняются, стоит только власть получить.

– Вот вы все видели иноземного правителя, который о прошлом годе в Виннету приезжал, – скривился в пренебрежительной усмешке Велислав. – Мужчина здоровенный, как кабан-секач! А его слуги под руки ведут, да с бережением немалым – будто он сам уже ходить

не может. Спесивый... Этот правитель нашему князю, да честному люду показывал, какой он великий да уважаемый. В его стране так принято, и в других землях тоже. Иноземье – не Альтида! Так что радуйтесь, ребята, что и князь Молнезар не такой, и не принято это в нашей земле! А то, как раз, – вы, молодые, под руки бы его и водили. Самое занятие для вас, отроков, – улыбнулся Велислав. – Много чему бы научились, да нужного познали, около князя-то ходя. Князь Молнезар сына своего нам доверил, для того, чтобы Добромил настоящим воином и мужчиной стал. Он учится, и вы тоже каждый день новому учитесь.

Милован и Борко молчали. Возразить нечего. Да и не стали бы они возражать Велиславу. Он предводитель – они не скоро станут таким как Велислав. Молодцы встали, и пошли к печи, помогать Добромилу. Любомысл и Прозор ухмылялись. Улыбнулся и Велислав. Надо гнать печаль, жизнь продолжается.

– Так Любомысл? – добродушно спросил Велислав старика. – Что скажешь? Ты ведь не только сказки рассказывать умеешь, но и мечом – да и иным оружием – владеешь не хуже иных витязей.

Велислав глянул на усердно дувшего в печное устье Борко. Лицо перемазано сажей, стареется.

– Кто его каждое утро на деревянных мечях удельывает? Да и его тоже? – он кивнул на Милована. – Молодцев удельывает, с иным воином совладаешь. Но ведь и стряпаешь ты замечательно! Не каждый княжеский кухарь с тобой в стряпне сравнится! Ведь верно? И где только научился, Любомысл?

– Так-так, Велислав! – согласился польщенный старик. – Не только сказки, да байки разные могу, но умею корабль привести, куда укажут. Да и от разбойников морских, да сухопутных не раз отбивался. Ратное дело знакомо. Что есть – то есть. А то, что стряпать умею – так в разных странах много чего насмотришься, да научишься. Иной раз такую гадость в свое нутро класть доводилось, что до сей поры в толк взять не могу – почему еще жив? Князь Молнезар это знает, недаром он меня, сироту, воспитателем да защитником к Добромилу определил. Хотя, чего я мелю? Все мы защитники нашего княжича, все воспитатели!

Любомысл весело подмигнул княжичу, суетившемуся у печи, и с любопытством прислушивавшемуся к разговору.

– А ты их не слушай, княжич! Борко да Милован еще молодые, неразумные. Разжигай огонь, дитяtko, разжигай.

Добромил снова насупился. Потом расплылся в неудержимой. Понял, что его наставник как всегда шутит.

– Я не дитяtko! – притворно-грозно воскликнул мальчик. – Хватит уж, Любомысл, меня обижать!

– Да знаю я! Знаю, что ты не дитяtko! – как бы в испуге замахал руками Любомысл. – Это я так сказал, по старческому скудоумию. Не дуйся, княжич, не надо! Прости уж меня!

– Ну, Любомысл! – с веселой досадой воскликнул мальчик. – Тебя не переговоришь!

– А и не надо меня переговаривать, княжич. Это я тебя вразумлять должен. Для того к тебе и приставлен, чтобы ты от меня ума-разума набирался! По выучке умельца знают, княжич.

Княжеский наставник за словом в карман не лез. Любомысл знал несчетное число историй, баек. Вдобавок казалось, что старик набит разными поговорками – только от зубов отскакивают! На любой случай у него всегда есть готовый ответ.

Тем временем усилия Борко увенчались успехом: огонь в печи разгорелся, повеяло теплом.

– Спасибо, матушка, – поблагодарил Борко печь, – спасибо за тепло и ласку.

Так принято у вендов: печь, очаг – это жилище бога Земного Огня. Ему тоже дадут положенную жертву, без этого нельзя. Огонь священен...

– Я утром кабанчика подстрелил, – сообщил Борко. – Выпотрошил сразу, он внизу лежит. Нести?

– Тащи, Борко! Скорее тащи! – обрадовался Милован. – Уха-то ушла! Небось водяной ее сейчас уминает! Сейчас мы кабанчика запечем, да не просто так: а с чесноком, с перцем! Луком пересыплем. Не хуже чем на костре получится.

Милован, ровесник Борко, еще по весне ходивший с ним в отроках, постоянно испытывал легкий голод. Конечно, под их помещением кладовая, и под нее отведен аж целый ярус, там всего полно, год можно безбедно жить – никуда не выходя, но... Там ведь все про запас приготовлено, яства хоть и вкусные, но холодные. А Миловану хотелось чтоб с пылу, с жару! Он еще на берегу, перед мороком, у котла с ухой вертелся, чуть не приплясывал. Милован в нетерпении вскочил.

– Где кабанчик? Я щас мигом сбегаю!

Борко прикрыл устье печи заслонкой. Чтоб бог земного огня Агуня, войдя в силу, не швырял головешки, не гневался, что еще не получил положенную требу.

– К моему седлу кожаный мешок приторочен. Там кабанчик, в холстину укутан. Да погоди, Милован, я сам схожу. Жеребцов заодно гляну. Ну что, други! Готовим кабанчика? А, Любомысл? Поможешь?

Любомысл одобрительно кивнул.

– Тащи толстомясого! Я вас научу, как кабанчика в глине запекать, без всяких вертелов.

– Да он еще худенький, весенний. Сала не нагулял, какое там мясо. – Поднявшись, Борко скоро направился к спуску.

– Ничего, и такого съедим, – залучился морщинами Любомысл. – Тащи, хлеб за брюхом не ходит. Да, Борко! Глянь, что там в кадках да бочонках. Поищи хлебного вина. Больным дадим, да и сами в меру попользуем. Не помешает.

Тем временем, Велислав уже обдумал, что делать дальше. Тронул за плечо Прозора.

– Прозор, давай наверх сходим. Глянем, что на белом свете, да на Гнилой Топи творится. С твоими глазами все увидим.

Польщенный Прозор вскочил. Простодушному богатырю нравилось, когда вспоминали о его чудесном даре: дело в том, что Прозор видел в кромешной тьме так же ясно, как и при ярком свете.

– Пошли! Что бы вы без моих-то глаз делали? Вижу я, конечно, ой-ей-ей! Сейчас все увидим!

– Ребята! – настойчиво-твердо сказал Велислав. – Пока мы наверху высматривать будем, вы прикройте все бойницы ставнями. Чую я, что это еще не конец.

Велислав наполовину вытащил из ножен и с шелестом вогнал обратно меч. Через левое плечо накинуд тул со стрелами. Вытащил из налучья лук, щипнул тетиву. Прозор тоже проверил оружие. Оно подстать богатырю: меч длиннее, лук на локоть выше, чем у других дружинников, шестопер тяжелее. На левые руки дружинники надели защитные щитки: все-таки лук – это основное оружие. Лучше вендов из лука никто не бьет. Щиток сбережет руку.

Воины, поднявшись по скрипучей пологой лестнице, выставили пол-створки просмоленного дубового люка. Весь люк открывать ни к чему – не дружина наверх выскакивает. Неуловимыми тенями венды выскочили на каменную площадку, створку за собой опускать не стали – это путь для отхода. По помещению прошла волна ночной сырости.

На крыше дружинники преобразились. Куда девались два, вроде бы спокойных, неторопливых человека. Сразу же обострились все чувства: уши улавливали малейший шорох, дальний плеск речных волн; глаза ловили отсвет луны над деревьями – не мелькнет ли где неясная тень. Тела напряжены – готовы вжаться в камень, ноги чуть согнуты – готовы к прыжку. Лесные звери на охоте, и только! Венды, охотники!

Дружинники огляделись: на крыше и округ башни пока все спокойно. Велислав пошел к каменному зубчатому ограждению, Прозор на другой край крыши. Надо все осмотреть.

Прозор безоговорочно доверял своему другу. Вот и сейчас он знал – Велислав что-нибудь придумает! Найдет ответ, разъяснит, что произошло на отмели. По-другому и быть не может! Не впервой Велиславу отводить беду от их страны – Альтиды, от родных вендских лесов. Счастлива и спокойна страна, у которой есть такие защитники. Не страшен ей неведомый враг.

На вид Велиславу немногим за тридцать. Но, несмотря на не столь уж почтенный – по меркам старожилков – возраст, дружинник, вот уже как десять лет, носил среди соплеменников почтительное прозвание – Старой.

Старой... Велислав Старой – это имя одно, другого нет. Оно почитается по суровым вендским лесам, по вендскому пограничью, по полуночной части обширной страны – Альтиды. А сама Альтида, состоящая из десятков княжеств, сотен вольных городов, несчетного числа деревень, простиралась от ледяной бескрайней пустыни-тундры на полуночи, до истекающих зноем ковыльных степей на полудне.

В полнотундрной тундре день длится полгода, а остальные полгода стоит безмолвная звездная ночь, изредка озаряемая трескучими радужными сполохами. На севере почти ничего не растет, лишь изредка встречаются низкорослые деревца, а летом тундра покрыта мхом. За тундрой идет холодный серый океан.

И юг бесплоден – полуденные степи изнывают от жары, переходят в песок. В степях деревья растут отдельными рощицами, у воды. А кругом них короткое весеннее разноцветье трав, от которых к началу лета остается лишь сухой пожухлый ковыль. А вот те земли, что лежат меж севером и югом, благодатны. Они изрезаны сотнями рек, на них тысячи озер. Эти земли необъятны – и это Альтида.

И имя Велислава Старого ведомо и в самой Альтиде, и даже в некоторых ближних и отдаленных – за морями – странах.

Там оно внушало почтительное уважение и было овеяно обширным ореолом сказаний, что доставляло Велиславу немало веселья, когда очередное предание или песня – сочиненная досужими былинщиками доходила до его ушей. В них Велислав выглядел чуть ли не сказочным великаном-волотом, или наоборот – дурнеем-богатырем, голыми руками сокрушающим невиданную тьму дикарей-бруктеров. А на самом деле – все не так. Совсем не так... Все гораздо проще, чем рассказывают. Свое грозное и почетное прозвание, добавленное людьми к его имени, он заслужил не потому, что он славный воин. Он и воином-то тогда не был, и в дружину виннетского князя Молнезара попал только после победы над ордами дикарей, что шли на Альтиду. И произошло это почти что десять лет тому назад. Но Велислав не любил об этом вспоминать.

ГЛАВА 3. Утопленник

Велислав и Прозор стояли на крыше Древней Башни, рядом с высоким каменным зубцом. Фигурное обрамление башни большей частью не сохранилось: кто-то или что-то разрушило ее в незапамятные времена, но, скорее всего каменная кладка просто не выдержала натиск времени. Щели между камнями вымывались дождями, сушились ветрами, трескались в зимнее, морозное время. Кладка ослабевала, камни постепенно крошились и вываливались сами, под своим весом. Те, валуны, что не успели упасть вниз, сложили кучами в разных местах крыши. Они могли пригодиться в случае нападения – камень хорошее оружие. Для этой цели на крыше стояло небольшое камнеметное устройство, укрытое плотной просмоленной материей. Его пригодность исправно проверяли, но воспользоваться им пока не доводилось. Из сторожевых площадок по углам, осталась всего лишь одна. Несмотря на это, башня до сих пор была пригодна для того, чтобы пережить непродолжительную осаду. Толстые каменные стены надежно уберегали от возможного пожара; оружие, вода и еда есть. Были бы люди, было б кому держать оборону.

С башни видно, как покачиваются вершины сосен, а за ними – рукой дотянешься – простирается река Ледава. Хорошо просматривается впадающее в море устье.

Но сейчас река и море вендов не интересовали. Они всматривались в противоположенный пологий берег. На нем, недалеко от кромки легло древнее болото – Гнилая Топь.

– Прозор, что-нибудь видишь? – спросил Велислав.

– Нет, – ответил Прозор, внимательно вглядываясь в каждую кочку, в каждую редкую чахлую осинку. – На Гнилой Топи вроде спокойно. Да ты сам глянь – только болотные огоньки мерцают. Туман ночной стелется... Только вот к речному берегу след идет: деревца кой-где поломаны, кусты примяты. Будто огромный слизень полз.

– Огоньки я и сам вижу, – вздохнул Велислав. – Значит, нет ничего. Это хорошо. А вот ты помнишь, как только этот вой начался, на болоте что-то вздулось? Будто пузырь огромный. На манер квашни, только черной да большой.

– Нет, не помню, Велислав. Не видел – меня скрутило сразу. Думал только – как выжить-то в этом мороке.

Сейчас на древнем болоте все тихо и спокойно. Будто и не случилось: ни истошного воя, ни одуряющего, пришедшего вслед, морока; будто не катил с противоположенного берега водяной вал, забравший жизнь семерых воинов. Стояла тихая ночь. Высмотреть ничего не удалось. Сейчас – хвала богам! – спокойно. Но ведь еще вся ночь впереди, все может случиться.

– Спускаемся?

– Нет. Подождем, мало ли что... Не очень мне верится, что закончилось, Прозор. Тишина наступила зловещая. И еще – мне тут легче, свободно дышится. Погоди немного – отойти хочу. Я ведь – главный, должен твердо держаться. Семь человек... Неожиданно-то как – не в бою, непонятно от чего. Не знаю, что случилось, – не слышал о таком. Ты чувствовал, на берегу будто что-то злобное и гадкое на нас смотрело? Сразу же, как только вверху прощуршало?

Прозор внутренне сжался, его передернуло от воспоминаний.

– Да, Велислав, чувствовал. Я как-то раз чуть в змеиную яму не провалился, сапогом в нее попал. Еле отпрыгнул! Хорошо, что осень стояла – холода подходили. Гады в яму на зиму собрались: уже вялые, сонные были. Там такой клубок! Но головы подняли, зашипели, свои буркалы змеиные на меня вытаращили. Много их там... – Прозора снова передернуло, великан не любил змей. – Так вот, у ямы с гадами мне, как давеча на берегу, плохо стало. Будто потустороннее в сердце лезет, душу холодит. Мертвящее, жуткое. Я от змеиной ямы тихонечко отходил, а потом повернулся, да как припустил! Бегу, и мне кажется – гады за мной ползут,

нагоняют. Щас кинутся всем скопищем и повиснут! Обошлось, погрезилось. Да и осень была. Ох, и напугался я тогда, Велислав! Тебе одному рассказываю, не говори никому! Я потом долго в себя приходил. До сей поры мне кажется, что змеиные глаза мне в затылок смотрят, в душу лезут. Помню я их зрачки: узкие, мертвые... И откуда у змей такая сила? Я думаю, что там, в гадючьей яме, змеиный властелин на дне лежал, своими слугами укрывался. Вот он гадам силу и давал. И на отмели такое чувство, будто кто-то меня разглядывал, душу холодил и решал, куда удобней ужалить. Б-р-р! – передернул плечами Прозор. – Зачем ты это спрашиваешь, Велислав?

– И я, Прозор, такое почувствовал. Ты хорошо сказал: взгляд змеиный да мертвящий. Пойдем?

– Пошли. Заметил, что огоньков на Гнилой Топи много? В иные ночи не так ярятся, хотя чего уж – проклятая земля, топь. Самое место для нечисти. Угроздило же в наших лесах этому болоту завестись. И еще – кругом странная тишина. Все молчит. Ни звука не слышно... Только ветер в соснах шелестит. Тих ночной лес. Будто все зверье ушло, напуганное...

– Заметил, – мрачно бросил Велислав, – пошли уже.

Велислав глянул на звездное небо. Определил, что до рассвета еще далеко – только полночи прошло. Глубоко вздохнул и пошел к спуску. Вдруг Прозор с силой ухватил его за руку. Сжал так, что пальцы хрустнули.

– Стой, Велислав! Стой! Тихо! – прошипел Прозор. – Видишь?

– Что?!

– Смотри! На середине реки смотри! Да ниже, не там где устье!

– Где? Вижу! Великий Хорс! Да что же это?!

От увиденного Велислав окаменел. Ниже по течению, на середине Ледавы, освещенная ярким лунным светом, туманно колыхалась призрачная человеческая тень...

– Что это? – шепнул Велислав. – Стоит.

У Прозора застучали зубы.

– Не знаю... Так в воде нельзя стоять... Только что ничего не было! Я видел. Откуда взялось?! – Левая рука сама собой подняла лук, правая наложила стрелу. Велислав остановил друга, стрелять не время – надо разобраться.

Тень стояла, устало склонив голову и безвольно опутив руки. Недвижимая, страшная... Потом шевельнулась, медленно подняла голову, огляделась по сторонам – будто осматривая берега. Задрала голову выше, повернулась в сторону Древней Башни, и снова застыла. Дружинникам показалось, что тень пристально рассматривает каменное строение, и видит именно их. Затем тень сделала осторожный шаг вперед и, медленно-медленно, будто сходя по скрытой под волнами лестнице, неспешно ушла в воду... По реке разошлись круги, потревоженная вода в разных местах заколыхалась и пошла высокими бурунами.

– Прозор! – зашипел Велислав. – За стену! Она нас увидела, мы ее спугнули. Что за нежить! Откуда взялась!

Прозор и Велислав шмыгнули за каменный зубец и затаились. Ждать пришлось недолго: слегка кольшущаяся, уже с четкими очертаниями тень вновь вышла из воды. Теперь уже недалеко от обрывистого берега, у речного русла, по которому венды спасались от водяного вала. Так же неторопливо, будто поднимаясь по лестнице, из воды показалась мокрая кудлатая голова, затем туловище с безвольно опущенными руками. Медленно шагнув, тень неспешно и плавно пошла по воде. Там, куда она ставила ногу, разбегались большие круги. Тень направлялась к берегу, к обрыву перед Древней Башней. Ноги тени по щиколотку скрывала вода. Тень подняла руки. Они будто гребли, будто тень сопротивляется встречному бурному потоку. Сделав несколько шагов, тень остановилась и вновь подняла поникшую голову.

– Веденя! – хрипло, почти неслышно, выдохнул Прозор. – Велислав, это Веденя! Рыбак утопший! Великий Род!

– Вижу! Да он же мертв! Утопленник!

Покойник подошел ближе к берегу, и в свете луны, воины венды безошибочно определили ту грань, что безжалостно отделяет живых от навсегда ушедших в Нижний Мир. Лик бывшего рыбака Ведени был бледен, черты резко заострились. Утопленник обводил берег некогда живыми, веселыми, а теперь подернутыми мутной пленкой глазами. Постояв, покойник странно заколыхался и двинулся к обрыву. Венды ощутили, как их тела пробрал могильный холод.

Вцепившийся в камень Прозор лязгнул зубами и с усилием разжал пальцы. Великан повернул бледное лицо к Велиславу. Тот стоял оцепенев, до хруста в омертвевших пальцах сжимая каменную стену. Велислав никак не мог оторвать взгляд от реки.

А утопленник, все так же бредя по воде неспешным шагом, уже дошел до берега, оглянулся на реку, словно запоминая или прощаясь с водой, и вышел на берег. Под тяжелыми шагами захрустела речная галька. Мертвец неторопливо и размерено пошел к пересохшему, разрезавшему обрыв, руслу. Голова утопленника снова свесилась, руки опустились к земле, казалось, его давит незримая тяжесть. Но мертвец шел быстро, и как-то неуловимо глазу. Утопленник легко заскользил наверх, на обрыв...

– Велислав, спускаемся! Он к башне идет.

– погоди! Посмотрим, что дальше! Ворота заперты. Не войдет...

Утопленник уже стоял возле башни. Он передвигался стремительно. Казалось, чуть моргнешь, а его уже нет на прежнем месте – мертвец подкрался ближе. А в голове Прозора, с того самого мига, как он увидел мертвеца, вертелось давно забытое детское воспоминание.

– Велислав! Да это же албаст! – Прозора аж затрясло при этих словах. – Это не утопленник! Он другой! Это упырь! Там же внизу Борко за кабанчиком пошел! Он сдуру ворота отворит! Пустит его сюда, албаста этого! Упыря!

Дружинники бросились к спуску, из которого раздался далекий дикий и протяжный вопль. Орал Борко...

Прозор прыгал через несколько ступеней, Велислав не отставал. В ушах вендов все еще стоял дикий вопль Борко, который раздался, как только мертвец подошел к башне. Прозор назвал его упырем, а затем непонятым словом албаст. Кто или что это, Велислав не знал. Видать Борко угрожает серьезная опасность, зазря Прозор не станет лететь вниз, сломя голову. Уж на что Велислав быстр, но тут не угнаться.

Больше Борко не вопил. Молодец, бледный от страха, уже стоял возле спуска на второй ярус. Лязгая зубами, и мелко дрожа он пытался что-то сказать. Но выходила лишь малопонятное: – А... ва... ва...

В одной, трясущейся руке Борко держал потрошеную тушку кабанчика, а другой, сжавшей тяжелый запечатанный кувшин, показывал вниз: в черный провал спуска.

– Открыл ворота?! – выдергивая меч, завопил Прозор. – Говори, открыл? Он вошел?! Да скажи хоть что-нибудь!

Казалось, от его крика Борко пришел в себя. Нет, глаза парня просветлели не от вопля дружинника. Уж больно страшно выглядел Прозор. Еще чуть-чуть и смахнет молодцу непутевую башку. Уже изготавился... Велислав, ничего не понимая, но, видя, как напряжен Прозор, успокаивающе положил ему на плечо руку. А Борко, вперив застывшие глаза в меч, с усилием унял дрожь и мотнул головой.

– Н-н-ет, н-не открыл... Н-не успел... Т-т-там рыбак... В-в-еденя, мертвый... П-просился пустить... Я н-не открыл...

– Фу ты! – перевел дух Прозор. Потом повертел в руках меч, чему-то мимолетно усмехнулся, и с шелестом вогнал клинок в ножны. – Ну, ребята, кажись, удача нам снова улыбнулась. Не иначе, какая-то богиня ворожит... Скажу, в рубахах мы родились! Сюда чуть было

албаст-упырь не влез! А тебе, Борко, особо повезло!.. Мы-то может и успели проход завалить да подпереть, а вот тебе точно бы конец пришел. А потом, я бы тебе голову снес, если б успел.

Венды недоуменно смотрели на Прозора. Никто не понял, что он сказал. Какой упырь? Зачем проход заваливать? И чего это он чуть Борко голову не снес?! Добромил и Милован смотрели на великана раскрыв рты... Встрепенулся лишь Любомысл.

– Прозор, ты о чем толкуешь?! – привстав с лавки воскликнул старик. – Откуда здесь упырю-албасту взяться? Их тут отродясь не водилось, не те места!

– А я почему знаю? – раздраженно бросил Прозор, неодобрительно цокнув языком: «Вот дед дотошный! Сомневается! Я ж сам его видел, тут не рассуждать надо – откуда взялся, а отбиваться! Иначе все тут сдохнем, и следов не останется...» – Мы с Велиславом его видели. И отрок наш тоже с ним внизу столкнулся. Вон, гляньте – лица на нем нет! Не водились упыри, да вот завелся. – Прозор вновь выдернул и вогнал меч в ножны, разволновался не на шутку.

– Тихо, тихо, – встрял Велислав, видя, как разошелся обычно спокойный Прозор. – Что за албаст такой? Остынь, а лица на Борко нет оттого, что покойника увидел. Заорал, все слышали. Тут любой богатырь испугается. Он за защитой кинулся, а тут ты мечом на него машешь. Ну-ка говорите, что за албаст? Какой такой упырь? Утопленник это, Веденя Водяной. Но ведь ворота заперты, не войти ему. – Тут Велислав грозно цыкнул на Борко: – Да не трясись ты, воин! Успокойся. Говори, Борко, по порядку: что там внизу было? А вы спорщики помолчите пока, а то заладили: албаст, не албаст. Упырь какой-то неведомый... Рассказывай, Борко, только внятно: без этого а-ва-ва, а то на всю жизнь заикой останешься.

– За кабанчиком я пошел, ты ж видел, Велислав, – сглотнув в горле ком, ответил Борко. Затем голос молодца окреп, дрожь исчезла. – Попутно чеснока, лука набрал. Водки, как ты просил, нашел. И вдруг слышу, в ворота кто-то скребется. Мне страшно стало: свои-то все вошли! А потом меня как стукнет, а вдруг еще кто-нибудь спасся и сюда пришел! Я ж говорил, выплыть можно... А скребется тихо так, не иначе товарищ израненный. Я к воротам! Глядь, а кони-то уже ни то что ржать, даже хрипеть не могут: окаменели, застыли и дрожь их бьет! Будто к ним нежить подкралась, чтоб заездить до смерти. Тут я сообразил – дело нечисто. Спрашиваю, твердо так: «Кто там пришел, и чего надобно?» А из-за ворот голос отвечает, да глухой такой, будто из-под воды или рот ветошь заткнут: «Это я, Веденя... рыбак. Открой Борко, пусть погреться, озяб очень... промок я...» Я ему в ответ: «Сейчас отворю, погоди немного, только руки освобожу». Это я время тяну и на лошадей поглядываю. Про утопленников-то я слышал, что они по ночам ходят, в окна заглядывают и в дверь скребутся. Сами, небось, знаете. Вот и думаю: а не один ли из них пожаловал? Веденю первого смыло, сам видел, – Борко запнулся, вспоминая недавний морок, тряхнув кудрявой головой, отогнал грустные мысли и продолжил: – Хотя, кто его знает, Веденю-то? Он же рыбак, всю жизнь с водяными знает. И еще слышу, вода где-то журчит. Глядь, а это из-под ворот в башню ручей затекает! Тихонько так льется и запах от воды душный: болотной тиной несет. Но сама вода чистая, без ряски, без мути... Много ее натекло. Я и не заметил как, опешил... – Борко снова сглотнул, вспоминая пережитое. – И тут вижу, не вода это вовсе! Она сначала в ноги, а затем в самого рыбака Веденю обращается! Сапоги его рыбацкие появились, порты плотные, рубаха. И все такое ненастоящее, водянистое и колыхается! Тут меня пробрало! Швырнул в него чем попало, да наверх! А сзади как заревет что-то, и вдруг все пропало: нет ни пол-Ведени, ни лужи что натекла. Лошади заржали, будто их отпустило сразу. Это я уже сверху увидел, когда сюда несся. А тут вы навстречу вылетаете и Прозор что-то орет и на меня мечом машет. Станешь тут заикаться! Ты уж прости меня за испуг, Велислав.

Ну что ж, вроде Борко и не рассказал ничего страшного, но им уже не по себе. Княжич Добромил придвинулся ближе к печи, Милован теребил нашейный оберег: серебряный многолучевой круг – символ солнца.

– Чем швырнул-то? – озабоченно крикнул Любомысл. – Ну, в Веденю чем бросил, что он исчез сразу?

Борко пожал плечами. Разве упомнишь?

– Не знаю, Любомысл. Лук в связке был, чеснок... Еще что-то нес. Кабанчик вот, – Борко приподнял освежеванную тушку лесного поросенка. – Я ни за меч, ни за нож схватиться не успел. Не помню, Любомысл. А что?

Любомысл переглянулся с Прозором. Кивнув головой, протянул: – Да-а-а! Прав ты, Прозор! Упырь это, албаст. Вот только откуда? Ты сам-то что про упырей-албастов знаешь? Про них никто, кроме как на Змеиных Островах не слышал. Там у этой нежити дом. На тех островах она прочно засела. Так ведь там и мореходов-то, почитай не бывает. Далеко эти моря.

У княжича Добромила и Милована глаза округлились от любопытства: про упырей, лежащих в могилах и по ночам пьющих людскую кровь они слышали страшные сказки. Велислав мрачно смотрел на проход за спиной Борко и неторопливо поглаживал черен меча. Борко опустился на скамью и дрожащей рукой тер мокрый, с налипшими светлыми прядями, лоб. Молодец потихоньку успокаивался.

– Да вот, довелось как-то про них слышать, – с какой-то непонятной тоской сказал Прозор. – В нашей деревеньке несколько лет один человек жил, бывший беглый раб. Книгочей, у-у-у!.. – протянул Прозор, закатив вверх глаза, и этим показывая, каким грамотным был этот человек. – Великий мудрец! Он детишек вечерами собирал вокруг себя и разные истории рассказывал. И про чудеса, которые на земле есть, и про страны разные говорил. Про колдовство: белое и черное. Про волшебство: добрую, злую и о которой даже лучше не думать. Мудрец этот много чего знал. С деревенским знахарем дружил, травы лесные с ним собирал. К волхвам в лес ходил, с ведунами знался. А что он искал, мы так и не узнали. Умер рано: хворал, жизнь-то до наших лесов у мудреца тяжелая была, одно слово – рабство. Поди-ка, денно и ночью помани веслом! Тут и молодой не сдюжит. А мудрец в летах был. Хороший человек, – вздохнул Прозор, – к праотцам проводили достойно, челнок снарядили и сожгли по вере нашей. От него я про упыря-албаста и слышал.

На губах Прозора появилась грустная улыбка. Приятно вспомнить о хорошем человеке, с которым в детстве свела судьба. У сурового дружинника даже взгляд стал отрешенным и туманным. Впрочем, ненадолго: мудрец давно ушел к праотцам, а вот то, что он рассказывал деревенским ребятишкам неожиданно подтвердилось через много-много лет.

– Я, когда на реке увидел Веденю, то не сразу сообразил, что просто утопленники по воде не ходят, – продолжил Прозор, – я твердо знаю. А этот шел, величаво, или, скорее трудно – будто что-то мешает. Но быстро, глазом только моргнешь, а он уже вон где, в другом месте! Тут меня бах! Вспомнил, что мудрец говорил: эти упыри ходят быстро, что по воде, что по суше. И главное, вода их не принимает, выталкивает! Когда он голоден, то не может в нее войти, плохо ему там. И еще он может в любую щель затекать, в воду обращаться, а затем снова в нежить. В общем, нечего мудрить, упырь-албаст это!

– Дядька Любомысл, – испуганно прошептал княжич, – а что упырь еще делает? Мне рассказывали про русалку-лобасту, что в грязных прудах живет. Названия-то похожи: албаст – лобаста!

Любомысл, задумавшись, тихонечко покашливал. Худое худым и кончается, что еще принесет эта ночь?

– Сейчас расскажу, Добромила. Только сначала вот что. – Старик повернулся к Борко. – Спустись-ка ты молодец вниз. Да-да! На нижний ярус спустись и набери там больше чеснока. Ты знаешь, где он, брал оттуда. Тащи сюда сколько сможешь, понадобится.

– А Веденя? Утопленник? – побледнел Борко. – Упырь, или как вы его называете – албаст? Вдруг он там?

– Был бы он там, нас бы тут не было! Иди, нет его. В башню через ворота упырь точно не войдет. Нет ему сюда хода, ты закрыл. Все, неси чеснок скорее.

– Почему ход закрыт? – спросил Прозор. – Ты уверен? Любомысл?

Старик кивнул. Странно, что Прозор сам не догадался почему упырю сюда не войти. Может, не знает?

– Да вот видишь ли, Прозор, этому молодцу, – Любомысл кивнул на Борко, – удача благоволит. Впрочем, и нам пока тоже, – хмыкнул старик. Он чесноком спасся, которым с перепугу в албаста швырнул. Связка-то, чесночная, небось у ворот внизу валяется? Сюда ты без нее влетел, и без лука. Так, Борко? Так! – сам себе ответил Любомысл. – в руках у тебя только кабанчик и кувшин были. Там чеснок, у ворот. Он нежити путь закрыл и отпугнул. Иначе упырь сейчас бы тут бродил. По стенам албаст лазать не может – тяжел. Так что неси чеснок, Борко. Будем бойницы и все щели внизу запечатывать. Да не бойся ты! – улыбнулся Любомысл. – Нет его там! Иди!

Борко нехотя встал и не торопясь пошел к проходу вниз. Добромил и Милован сочувственно смотрели вслед. Любомысл, поймав взгляд Велислава, улыбнулся и кивнул: «Мол, все хорошо!»

– Был бы человек, – бубнил Борко, – с ним бы разговор короткий был: отведаль бы моего меча или кулака... А так – утопленник... Упырь... албаст... Невесть что. Только нежити мне не доставало.

Недовольно бурча Борко скрылся в проеме.

– Так вот, – сказал Любомысл. – Албастов в Альтиде нет, и до сегодняшней ночи не было. Мало кто о них слышал. Теперь и вы знаете. Ты, Добромил, верно подметил: между ним и русалкой-лобастой только слова схожи. И албаст, и лобаста – это нежить, что в воде обитает. Хотя лобаста, она не совсем русалка. Вы же о русалках-берегинях слышали. А иным и повезло: даже видели. Я вот не сподобился, а жаль. Они веселые, и вреда от них нет. Ну пошутят иногда, так ведь и люди тоже веселятся. Хоть русалок и нежитью считают, но мне кажется – зря. Душа у русалок-берегинь бесприменно есть. А вот русалки-лобасты, они иные. Вот уж кто и есть самая настоящая нежить, так это они. Вот и упырь-албаст, что в рыбака Веденю перекинулся, тоже нежить. Даже хуже – он и не мертвый, и не живой. И не Веденя это, а просто видимость. Но кровь рыбака в нем еще плещется.

Послышались быстрые шаги, – Борко обернулся мигом. Не очень-то молодцу хотелось задерживаться внизу. Один, в полутьме! По стенам бегают тени от скудных светильников. Мерещится – за каждым бочонком, позади мешков поджидает кто-то неведомый и страшный – хуже упыря.

Но дело сделал. Увидя обвешанного чесноком Борко Любомысл довольно крикнул. Молодец, не побоялся снова вниз сходить. Будет из него толк. И Велислав с Прозором смотрели одобрительно: справный дружинник выйдет, себя пересилил и нежити не испугался.

– Так, – сказал Любомысл. – Пока разговоры в сторону. Милован, помогай Борко. Разбирайте чеснок, развешивайте и раскладывайте куда только взгляд ляжет, где только малейшую щелочку увидите или подумаете что она есть. Светильники возьмите и всю башню пройдите. Снизу начинайте, не ленитесь – дело нехитрое, а чеснок всем нам жизнь сохранит. Да чтоб веселее работалось, и знали, что не впустую это делаете, гляньте, что там от связки, которой Борко в албаста швырнул, осталось.

– А что осталось? – любопытствовал Милован.

– Не знаю, сами увидите! – ухмыльнулся старик. – Думаю, ничего там нет. Сгорел чеснок или в лучшем случае обуглился. А мы сверху раскладывать начнем, встретимся на середине. Только еще одно дело сделаем и начнем.

Увешавшись чесночными вязками Борко и Милован боязливо спустились вниз.

– Прозор, Велислав. Пока молодцы внизу ходят, да дрожащими перстами чеснок всюду распахивают, давайте больными займемся. Помогите мне.

– Что делать будешь? – спросил Велислав.

Любомысл пожал плечами. Хоть и не лекарь, но один хороший способ знает. Его все знают.

– Хлебного вина им дать. Когда непривычного человека море побьет, то первейшее средство – это чарку-другую водки выпить. Болезного стошнит, прочистит и ему полегчает.

– Что-то не слышал о таком, – ухмыльнулся Прозор.

– Ты не слышал, а я точно знаю, – твердо ответил старик. – Сам когда несмысленным мореходом по морям ходил, таким вот изнеженным способом к качке привыкал. Но это у вест-фолдингов принято, у других народов пожестче: лекарей у них почитай и нет. И заботится о тебе, болезном, никто не станет. А не можешь на ногах стоять, после того как волна побьет, захочешь где-нибудь под скамьей притулиться или в трюм спрятаться, так тебя плетью или кулаком быстро в чувство приведут. Говорю, первое средство от любой хвори – это крепкое хлебное вино, наша альтидская водка. У иноземцев такого напитка нет, а зря. Вернее есть, но другой: вонючий. Они водку делать не умеют, да и не из чего. Всякую дрянь взамен пшенички квасят... А когда брага поспеет, как из нее водку выгнать, не знают. Нет, наша водочка, – тут Любомысл облизнулся, – самое лучшее, что есть! Первейшее средство от всякой хвори. Ладно, заговорились. Давайте-ка, приподнимайте им головы по очереди, да зубы разжимайте. Я хворах потихоньку поить стану. Все равно ничего другого у нас нету.

Распечатав принесенный Борко кувшин, Любомысл нюхнул, одобрительно поморщился, крикнул, плеснул в поднесенную Прозором чарку немного водки, чуть смочил губы и пополоскал рот. Кивнул – годится. Крепка, гореть будет! Самое то! Встав, старик пошел в отгороженный угол к хворым дружинникам.

Прозор поднимал голову, Велислав разжимал рот, а Любомысл со знанием дела, бережливо, вливал меж губ огненную жидкость. Дело спорилось.

– Ну, что скажешь, Любомысл? – спросил Велислав после того, как последнему занедужевшему влили по четверти чарки. – Серьезно хворают?

– Не знаю, Велислав, не знаю... – задумчиво почесав затылок ответил Любомысл. – Хорошо б их к знахарю толковому. Да где его взять-то? Вот смотрю на них и думаю: не всякий знахарь с этой хворью совладеет. Неладно с ними... Ладно, водка вреда не принесет, а польза может и будет. Все, идемте. Надо чеснок раскладывать. От него точно толк есть.

Чесночные головки успели распахать только на своем ярусе, когда вернулись Милован и Борко. Молодцы повеселели, испуг прошел. Тем более за воротами башни, как они не прислушивались, не раздалось больше ни одного подозрительного звука, ни шороха... В глубине души у Борко теплилась надежда, что утопленник албаст, перепугавший его до смерти, ушел обратно в реку.

– Все заделали, – улыбнулся довольный Борко. – Чеснок пихали в любую щелочку. В иную и муха не пролезет. Особенно внизу усердствовали. Ты ж, Любомысл, сказал, что албаст по стенам не может лазить. Значит, ему пусть сюда только через низ, а он закрыт. Все, можно отдыхать.

Повесив на стену плащ, Борко уселся и устало закрыл глаза. Слишком много за сегодняшней вечер выпало на его бедную голову... Но вредный старик, не дал хоть на немного забыться.

– Это албаст по стенам не лазит, – ехидно сказала Любомысл. – А если иная нежить? Да еще с крыльями?

Милован и Добромил засмеялись, а Борко чуть не подпрыгнул, – сон мигом улетучился.

– Это какая другая? Ты это, Любомысл, на ночь глядя беду не накликай! Хватит с нас одного Ведени, упыря-албаста, как вы его с Прозором зовете.

– Нет, погоди Борко, ты рот Любомыслу не затыкай, дай сказать, – встрял Милован. – Что это за нежить такая, которая через верх войти может? Да про албаста поподробней расскажи. Мы знать хотим, верно? – Милован обвел взглядом окружающих. Кажется, все, даже маленький княжич Добромил не прочь были послушать про загадочную нежить.

– Что ж, хотите знать, пожалуйста. – Ответил Любомысл. – Только не обессудьте, если что не так расскажу

ГЛАВА 4. Об упыре-албасте

Любомысл наполнил водкой деревянную расписную чару, махом, не касаясь краев губами влил ее в глотку, мотнул головой, занюхал рукавом, отщипнул от головки дольку чеснока, неспешно очистил ее и отправил себе в рот.

Венды терпеливо ждали пока, старик проделал этот обряд. А Милован даже завистливо крякнул: так отправлять водку в рот, как это делал Любомысл, молодец еще не умел. Сколько не пытался научиться – не получалось. Тошнило от одной только мысли от предстоящего, а затем, когда выпивал, глаза сами собой вылезали на лоб.

– Албасты водятся на Змеиных Островах, что далеко на юге, в Арафурском море разбросаны, – начал рассказ Любомысл. – Там эта нежить давно известна. На этих островах мало кто из мореходов был: корабли туда почти не ходят. Для купеческого люда там никакого интереса нет, море да песок. Ну, еще пальмы высокие растут. Много их там, пальм этих... На них орехи растут большие и мохнатые. Если такой орех расколоть, то из него молоко ореховое течет, на вкус, кстати, весьма приятное и сладкое. Да вы пробовали, наверно? – Любомысл глянул на молодцев и княжича Добромила: – Иной раз и к нам такие орехи завозят.

Борко улыбнулся и ткнул Милована в бок, напомнил, как прошлым летом, они, еще в отроках ходя, сломали нож, пытаюсь расковырять такой диковинный орех. Внутри скорлупы никакого молока молодцы не нашли. Орех оказался высохшим.

– Народ на этих островах дикий и невежественный. Кожа у них не то что черная, а темно-серая, с синевой. Ну это и понятно, почитай круглый год голыми бегают. А то, что без одежды – это понятно: там жарыща несусветная. Пот испаряться не успевает, так на теле и высыхает. Но в колдовстве эти люди сильны, ничего не скажешь! Да и как в нем не понимать, когда всякая нежить на островах буйствует? Там как в бою: или ты ее одолеешь – или она тебя сожрет. Мы на эти Змеиные Острова случайно попали. Я тогда еще молодым был, чуть старше вас, – Любомысл кивнул на Борко и Милована. – Но хоть и сопляк еще, но к этому времени уже неплохим мореходом стал: море меня приняло и обиды чинить перестало. Но только не в этом суть, не о том речь веду. Шли мы тогда в другое место, да вот не повезло, в такой ураган попали – думали все, конец! Но вот посчастливилось: не отправились мы в прислужники к Морскому Хозяину. Хотя корабль во время шторма пострадал, жуть! Паруса оборвало, все надстройки вместе с мачтами волны напрочь снесли.

Ураган несколько дней длился, куда нас ветер и волны за это время занесли, никто не знал. Вот и прибило наше суденышку к одному из этих островов. Как только землю увидели, так каждый хвалу своим богам воздавать стал. Ох, и диковинные боги на свете есть, чтоб вы знали! Кто-то просто так слова шепчет, кто-то фигурки достал и сухарем их кормит... Ну а я все по чести сделал, как у нас принято. Горсточку родной земли из нашего мешочка достал, на блюде разложил, и все, что своими руками сделано было: ремешок налобный, кошель кожаный на этой земле сжег. Еще и кровью из руки пламя окропил. Так вернее. Сами знаете, без жертвы боги молитвы не слушают. В общем, несет нас к земле, к острову. Радости у всех, словами не передать. Солнце светит, песочек, пальмовые деревья с листьями раскидистыми растут. Под ними тенёк. Что еще мореходу для счастья надо? Глядим, люди смуглокожие на берегу стоят, да смотрят на то, что от нашего корабля осталось. А почитай и остался то один остров, досками обшитый. И куда нас занесло, не знаем. Это мы уже потом поняли, что нас к Змеиным Островам прибило. А про них, про эти острова, меж моряков давно нехорошие слухи бродят. Мол, колдовство на них незнакомое, не всякий знающий колдун его одолеет.

Что делать, раз уж сюда попали? И на том спасибо, что не на дне. Надо корабль чинить, да дальше путь продолжать. Пока корабль в порядок приводили, время шло, не одна неделя

пролетела. За это время с людьми, что на острове жили, мы сдружились. Они себе странным словом «телугу» называют. Это примерно означает, что они все о себе знают. Может и знают, не мне судить. Но народ гостеприимный и радушный, хотя поначалу они нас принимать не хотели, избегали. Но вражды нет: они сами по себе, мы сами. А потом, со временем, как-то все потихоньку наладилось. Мы им товары купца-хозяина, что в трюме были незаметно таскали, они взамен рыбу, плоды разные. Мясо кой-какое, только мало. На этих островах свиней разводят. Тощие! – поморщился Любомысл, – но какое-никакое а все ж мясо. У кого больше свиное стадо – то и богач. Козы на островах водятся, но ручных мало, за ними охотились. И вот был как-то у этих людей праздник. Они нас и пригласили на него. Но если бы мы знали, что это за праздник такой, то в жизни бы не пошли! – зловеще сказал Любомысл. – Телугу на этом празднестве жертвы нежити приносят! Им, чтобы спокойно в море выходить, да чтоб улов больше был, надо у морской нежити милость снискивать!

Тут Любомысл замолчал и хитро, с прищуром, глянул на раскрывших рты Борко и Милована. Перевел взгляд на кабанчика, что сиротливо лежал у печи. Кивнул на него головой.

– Вот такие там свиньи водятся, может чуть больше. Ну что рты пораскрыли? Закройте, ворона влетит! Вы, молодцы, вот что сделайте. Чтобы вам еще интересней слушать было, а мне, старому, рассказывать, давайте-ка, ступайте вниз. Там найдете бочонок с белой глиной. По прошлой осени точно стоял... А-а-а, да откуда вам знать! Вы тогда еще в отроках гуляли, ладно, сходите, в самом низу, у ворот поставлен. Заодно и лошадей посмотрите, лишним не будет.

Милован и Борко шустро кинулись вниз. После того, как молодцы распихали чеснок по щелям, ходить по сумрачным помещениям стало не страшно. Злой упырь не войдет – Любомысл знает, что делает...

– Зачем тебе глина, Любомысл? – с ехидством спросил Прозор. – Что замазать собрался? Остальные щели? – И подмигнул Добромилу: – Как думаешь, что наш дед еще удумал?

Княжич подмигнул в ответ и улыбнулся. Страшно, не страшно, но надо вести себя, как подобает воину. Вон, Велислав и Прозор чего только на своем веку не видели! И сегодня тоже беда пришла, а венды ведут себя так, что кажется, ничего не случилось. С такими друзьями никакая жуть не страшна! Подумаешь, упырь внизу ходил и Борко напугал. Добромир не будет так орать, воин должен быть смелым.

– Прозор, ну что ты над Любомыслом смеешься? – улыбнулся Велислав. – Он знает что ему надо, я и не упомяну, чтоб когда-то вышло не так, как он сказал. Раз нужна ему глина, значит для дела. Верно, Любомысл?

– Верно, – согласился старик. – Сейчас ужин сготовим, вот для этого глина мне и понадобилась. Кабанчика в ней запечем. Прозору тоже попробовать дадим, чтоб впредь не смеялся.

– Да ладно, тебе, Любомысл, – засмеялся Прозор. – Ты же знаешь, я люблю с тобой спорить, всегда что-нибудь новое узнаю.

Борко и Милован принесли и сняли крышку с небольшого бочонка. Его наполовину заполняла светлая, с легкой синева глина. Ею хорошо замазывать щели в печи: от жара она становится каменной. Любомысл продолжил наставления:

– Так, ребята. Рукава закатайте, берите кабанчика и его чесноком начинайте. Да не скупитесь!.. Ножом протыкаете шкурку и дольку туда. В то же место сыпьте перца немного. Учтите... Да-а, лук еще начистьте, и во внутрь его, кольцами. Режьте, режьте лук, – он полезный, хоть и слезу вышибает. А я тут смотреть буду и поправлять, если что не так делать будете.

Любомысл отошел подальше от молодцев, орудующих ножами, полез в свою суму и стал неторопливо доставать из нее скляночки и мешочки со всякого рода острыми и пахучими приправами. Не добавив их в приготовляемое им блюдо, старик заранее считал его безвкусным и неполноценным. Что-то тихо про себя ворча, Любомысл отобрал нужное, присоединился к молодым дружинникам и стал усердно начинать тушку пряностями.

– Эх, жаль травок не хватает, – тихонечко причитал старик, закатывая серые глаза и чмокая губами. – Знали бы вы ребята, какие травы в заморских краях растут! Без них и еда не еда, и мясо не мясо! Да, откуда ж их возьмешь, особенно в такую пору. У нас, у самих-то, зелень только-только пробилась. А когда еще в рост пойдет!

Вскоре, поросенок был набит и чесноком, и луком и пряностями из сумы Любомысла. Полюбовавшись, на дело своих рук, старик сделал еще пару проколов, вложил в них чеснок и сдобрил перцем и солью. Отступив назад, полюбовался и крикнул: «Хорошо!» Затем велел обмазать тушку глиной:

– Мажьте, мажьте! Да не небрежно – абы как, а любовно, – как женщину! Тогда он замечательный вкус заимеет. Все зависит от того, как обмажете. Ни единой щелочки остаться не должно.

При этих словах Прозор гулко захохотал, казалось, затряслись даже стены. Ему вторил Велислав. Добромил ничего не поняв, улыбался, а Борко и Милован надулись.

– Да ты смеешься над нами, Любомысл. Какой вкус от глины?

– Какой, какой... – пробурчал Любомысл, залучившись глазами и усмехаясь. – Особый вкус, сами почувствуете. За уши не оттащишь. Да глину-то в шерсть вмазывайте, да побольше! Когда корку отдерете, так щетина на ней и останется. Понятно?

– Чего уж тут не понять, Любомысл? Ясно. Делали так со всякой дичью, у птиц перья хорошо отлипают. Только вот поросенка не обмазывали, и чесноком с травами его не начиняли. Проще на костре.

– Хе-хе, – ухмыльнулся Любомысл. – Сырым съесть еще проще, дело нехитрое. А вот когда отведаете, что сделали, так другого уже не захотите

– А что дальше, Любомысл? – спросил Прозор. Он развалился на лавке и внимательно смотрел, как Любомысл учит молодых готовить кабанчика. Порой Прозор одобрительно кивал: «Старик дело знает, лучше того, что сготовит Любомысл, я и не пробовал. Научусь, тоже так делать буду».

– Погоди чуток, – утирая лоб ответил Любомысл. – Дай только поросенка в печь посадим. Чего ему своей участи ждать? Пока дойдет, и я рассказ закончу. Тебе как, не страшно, княжич? – спросил старик Добромил. – Если не хочешь, говорить не стану. Ну их, такие рассказы на ночь. Да и пострадали мы сегодня. Иной за год – да что там за год! – за всю жизнь не переживет столько, сколько мы за сегодняшней вечер.

– Нет-нет, Любомысл! – воскликнул Добромил. – Совсем не страшно, наоборот, интересно. Там, на берегу гораздо страшней было, особенно когда вой начался и на Гнилой Топи что-то темное появилось. Да вы знаете? – Княжич обратился уже ко всем. – Я что-то уже и пугаться перестал, как-то незаметно страх исчез. Думаю, меня уже ничто не напугает.

– Ну и хорошо, раз не боишься. Всё равно вам надо знать про албаста. Раз уж тут южный упырь объявился. Ах, Веденя, Веденя, – вздохнул Любомысл, – и как же это тебя так угораздило?

– Рассказывай, Любомысл, – сказал Велислав. – Надо знать, с чем столкнулись.

Перед тем, как посадить обмазанного глиной поросенка в печь, Любомысл принес жертву земному огню, стряхнув несколько капель водки в пышущее жаром устье. Это чтобы огонь не сжигал кабанчика, а пропек его как следует.

– Ну так вот. На острове ближе к вечеру праздник начался. Каждый житель на себя сплетенную из цветов и трав гирлянду надел. Сначала пир был: рыбой угощались, плодами, что на этом острове растут. А как темнеть начало, то их деревенский колдун вывел из своей хижинки дикую козу, тоже цветами украшенную. Она брыкается, идти не хочет, будто чувствует что-то, а он ее к лодке тащит, и не силком, а уговаривает: заклинания шепчет. Управился колдун с козой, вывел лодку на середину бухты. В лодке встал, и начал громко нарасспев непонятные слова говорить, наверно свои ведовские заклинания. Сами знаете, у каждого народа есть силь-

ные и знающие колдуны, и у каждого колдуна есть свои заклинания и тайны. Пропел он слова, и показалось нам, что вода в бухте шевелиться. Буграми пошла, только они какие-то застывшие, медленно растекаются.

– Вот, вот! – перебил Прозор. – Помнишь, Велислав, когда Веденя появился и вновь в реку ушел, то Ледава будто застыла, и по ней рябь пошла.

Велислав кивнул: непонятные бугры, вспучивающиеся то тут, то там, он видел.

– Потом колдун – раз! – перерезал козе горло, и опустил ее в воду. – Продолжил Любомысл. – А сам быстро-быстро к берегу погреб. Вышел он на берег, а мы стоим как окаменевшие и – ну никак! – ни рукой, ни ногой двинуть не можем. Это от колдовских заклятий у нас все отнялось. Я же говорю: на южных островах колдовство не чета нашему! Совсем другое, древнее что ли? Стоим, глазами хлопаем. И тут видим, что в том месте, где колдун козу в воду опустил, вдруг как что-то взметнется!.. Будто столб водяной. Взметнулся, и держится сам по себе, а вода с него потихоньку опадает. И видим мы, там тень человеческая стоит... Руки опущены... Велислав, Прозор? Была тень? Видели такое?

– Была, – мрачно кивнул Прозор. – Все как ты рассказываешь, только никакого водяного столба я не увидел. В другую сторону смотрел, и еще – все беззвучно произошло.

– Да, шума не было, ни журчания, когда вода стекает, ничего, – согласился Любомысл. Может, ты водяного столба не увидел, а может его не было, потому что жертвы кровавой албаст не получил, по-другому, тихо из воды вышел. А там, на острове, упыря колдун из-под воды выманивал... Слушайте дальше, стоим мы на берегу как окаменевшие, мы – это мореходы с корабля. Глаза косим, видим, что островные жители тоже замерли и, кажется, даже дышать не могут, будто изваяния. Только мелкая дрожь их бьет, нам-то ничего, мы не знаем в чем дело, а они... – Тут Любомысл махнул рукой и покачал головой. – И тут тень как заскользит к берегу. Именно заскользит. Вроде и медленно идет, с натугой, будто мешает ей что-то, а незаметно глазу – раз! – в другом месте. Только ноги ее все равно по щиколотку в воде, будто спрятаны... Вижу, вроде это мужчина, немолодой. Пока смаргивал, он уже на берегу, и меж нами ступает, да тяжело так, кажется, что земля под ним прогибается! Страх меня пробрал, не описать! У меня после этого первая седая прядь появилась, хотя моложе вас был, – Любомысл кивнул на Борко и Милована, что слушали раскрыв рты. – Ну может чуть постарше, это не суть... И вот он мимо меня скользит – албаст. Он совсем как человек, только колышется, будто под кожей не кости и мясо, а вода переливается: медленно, тяжело. И запах от него рыбий и немного затхлой тиной пахнет.

Борко закивал. Та лужица, что натекла из-под ворот, пахла именно так. Пока ручеек тек, то тиной, а когда упырь стал в Веденю обращаться, то запахло еще и рыбой.

– Зубы у албаст необычные. – Любомысл согнул пальцы, показывая какие зубы у упыря. – Они чем-то с щучьими схожи, и главное, внутрь загнуты. Он ощерился, я и увидел... Ох и страшно мне стало. Упырь будто улыбается... довольный, вон сколько жертв стоит. И глаза у албаста безжизненны, будто рыбы и остекленевшие. И вот упырь каждого человека, что на берегу стоял, обошел и к каждому будто принимался, выискивал. И тут – раз! – ухватил одного бедолагу за шею своими щучьими зубами, да как присосется! Мига не прошло, а от бедняги только пустая кожа на песке осталась. А албаст заколыхался, будто его ветром качает, волны по нему пошли, и вижу я – он уже не тот, что из воды выходил, не тот у него облик.

Любомысл описывал давнюю историю так красочно, что Борко задрожал. Молодец представил, что бы с ним стало, если б Веденя добрался до него. Хорошо, что в руках чеснок оказался! Борко вздохнул, ему повезло. А будет ли так в следующий раз? А если будет, то как спастись?

– А превратился упырь в того, чьи внутренности только что высосал, – продолжал Любомысл. – Повернулся албаст, и к морю пошел. Вошел в воду, до середины бухты добрал и спустился под воду, будто по какой-то невидимой лестнице сошел... плавно так. И тут же весь

морок сразу исчез, ожили мы, руками и ногами шевелить можем. Отдышались, переглядываемся. А островные жители сразу веселиться стали: песни запели, в пляски пустились. А нам не до веселья, отходим от страха. Вождь этого народа нам потом поведал, что в этой морской бухте упырь-албаст с незапамятных времен живет. При его праотцах завелся. И чтобы упырь не ходил по ночам на берег, и не жрал всех подряд издавна ему человеческую жертву приносят. Каждые три месяца, во время полнолуния. И кто будет жертвой, на кого упырь свои зубы ощерит, – до последнего мига никто не знает. Оказывается, все дело в цветочных гирляндах, что нам на шею повесили. В них особую траву вплетают, она албаста отпугивает. Эта трава тоже особая, она только на Змеиных Островах растет. А вот в одну гирлянду травку эту и не вплели. Вот упырь и принюхивался, искал, где можно безопасно внутренности высосать. Как вынюхал, так и изничтожил бедолагу, кому гирлянда без этой травки досталась. А ведь могла б и мне попасться, между прочим! Или кому-нибудь с корабля. Да вот как-то обошлось. Хотя, мы пришлые, могли и нас на прокорм отдать. Что стоило в наши гирлянды траву не вплести! Колдун сказал, что албаст ненасытный. Зараз может несколько человек высосать, и все ему мало! Причем, други, заметьте! – подняв палец особо подчеркнул Любомысл. – Албаст каждый раз обращается в того, кого он только что высосал. Вот так-то! А что это за трава, которая его отпугивает, я потом узнал. Невзрачная травка, с нашей полынью схожа. И запах такой же, и горькая, что не отплюешься. А вот твоего упыря, Борко, чеснок отогнал. Он сейчас к воротам и не сунется, ему запах чесночный – как кошке водка! Она ее нюхать не будет, а если влить, то выворотит. Ведь по сути, албаст это кто? Тот же упырь, только в воде на дне живет. А против упырей первое средство это чеснок, да еще осиновый кол в могилу проклятую! А еще лучше осину упырю в грудь, да к домовине пригвоздить, чтоб подняться да из могилы не вышел.

– Да еще чесноком пересыпать, – захохотал Прозор. – У тебя Любомысл, что ни казнь, то одна другой страшнее.

– Зря смеешься, Прозорушка, – с укоризной ответил старик. – Вот если бы албаст Борко высосал, а ты ему навстречу попался, то не помогло бы тебе ни твое воинское умение, ни меч, которым ты хотел несчастному отроку башку с плеч смахнуть.

Борко снова передернулся, ну и ночка! Быстрее бы рассвет! Ему даже показалось, что Прозор с нехорошим интересом смотрит на его шею. Борко повел головой, будто проверяя, крепко ли сидит голова на плечах. Милован сочувственно смотрел на друга. А Велислав улыбнулся, заметив движение парня: молодой еще, не обвык. Хотя да, Прозор такой, с мечом в руках зарычит, любому страшно станет. Впрочем, в бою это важно.

– Не бойся, Борко. Все хорошо: голова на плечах, а ты не упырь, – утешил Велислав молодца.

– Так ответь Любомысл, как еще можно албаста изничтожить? Осиновых кольев при себе нет, – не унимался Прозор. – Если колом пригвоздить, поможет? Мудрец не говорил, чем морского упыря убить можно. Я думал, лучше меча ничего нет. Но еще он говорил, что албаста можно серебром отогнать. Верное средство... Только тот упырь, про которого он рассказывал не из южных морей – он далеко на полуночи жил. Еще мудрец говорил, что албаст не отходит от места где завелся. Так и будет торчать там, где в первый раз из воды вышел. Получается наш упырь тут, на дне Ледавы напротив Гнилой Топи кружить станет. А ведь кто-нибудь ему попадет, да-а-а, – мотнул головой Прозор. – Надо придумать, как его извести. Думай, Любомысл, вспоминай...

– Не знаю, Прозор, не знаю... – вздохнул Любомысл. – Эта нежить не наша. Она другая – древняя. Про нее, я думаю, не все наши волхвы да ведуны слышали.

Любомысл не закончил, оборвав себя на полуслове. Глаза бездумно уставились в одно место. Добромил вспомнил, что такой же вид у его наставника был на берегу, вечером, когда с древнего болота накатила непонятный морок.

– Любомысл, да ты чего! Что с тобой! Да очнись же ты, Любомысл! – встревожено крикнул княжич.

От звонкого голоса Любомысл встряхнулся, и заревел во все горло:

– Ах, я старый пень! Как такое из головы могло выскочить-то! А?! Люди?! Серебро! Серебро! – покачивая головой, громко повторял старик. – Ведь ни для кого не тайна, что серебро всякая нечисть на дух не переносит! С давних пор известно, по всем странам знают! Велислав! Прозор! Наверняка все дело в серебре! Давайте-ка быстро глянем, что на нас есть серебряное, и есть ли оно на хворых! Если нет, то вся причина в одном: в серебре! Другой быть не может! Их скрутило, а нас нет. Почему?! А?..

Причитая, старик проворно метнулся за занавесь, к лавкам, на которых в беспамятстве лежали внезапно захворавшие дружинники. Любомысл осмотрел одного, развел руками: «Все так, серебра нет». Прозор с Велиславом заинтересованно осмотрели, что нашел старик при дружиннике.

– Цепь... перстни... пряжки... – Угрюмо проговорил Прозор. – Любомысл, все золотое.

– А в кошельях что? – старик снял с дружинника поясной кошель. Тихо звякнул металл. Любомысл высыпал содержимое на лавку, тщательно, осмотрел каждую монетку.

– Так и есть, – досадливо крикнул Любомысл, – Ни единой серебряной куны! Все золото да медь. Хорошо князь Молнезар платит! Серебром брезгуют... Эх, люди! Ведь не маленькие же! Должны же знать, что хоть какую-нибудь серебряную мелочь при себе всегда надо держать! Не обязательно серебряную гривну, но хоть что-нибудь... И на теле серебро носить надо. Да впрочем, откуда это в Альтиде ведомо – в наших краях нежить до сей поры не бушевала. По миру каждый старается, хоть серебряную крупичу при себе иметь. А мы... – Махнул рукой старик. – Ведь не шутки, серебро против нежити самое лучшее средство! Не мною придумано, боги так рассудили когда-то.

Борко посерел: – На мне тоже нет серебра.

– И на мне, – вторил Милован, и вдруг отер лоб и заулыбался: – Фу... Вот оно, оберег на шее. – Милован тронул многолучевой круг, символ солнца. – В суматохе забыл. Это ты Борко, меня с толку сбил.

Борко только отмахнулся, лихорадочно высыпав на стол свой кошель. И у него среди меди затесалась одна небольшая золотая монетка. Но серебра нет.

– Как это нет? – недовольно пробурчал Любомысл и неодобрительным взглядом обежал молодец. – Непременно должно быть. Ищи лучше Борко. Это у хворых его нет, потому и лежат на лавках. А ты здоровый стоишь. Соображай молодец, где у тебя серебро?

– Любомысл, ты серьезно считаешь, что все дело в серебре? – с сомнением качая головой, спросил Велислав. – И оттого, что серебра на воинах не было, их не неведомая хворь одолела, а нечисть поразила?

– Я еще из ума не выжил, – вздыхая ответил старик. – Тут еще кое-что есть. – Любомысл постучал себя пальцем по лбу. – Вот потому и говорю вам: думать нечего, не болезнь это. Они в беспамятстве, оттого что нежить в них засела. Сам подумай: у меня серьга серебряная в ухе. Считаю, у каждого морехода она есть, и недаром мы ее не снимая носим – это от морской нежити оберег. У тебя, Велислав, какое-то серебришко тоже должно быть. Поищи в кошеле. И вы ребята гляньте, что у кого серебряного есть.

Велислав достал из своего кошелья несколько серебряных кун, и разрубленную на полосы гривну. Прозор показал скромное серебряное колечко на безымянном пальце: – Беляны подарок, сказала, чтобы помнил, и еще прибавила, что оно от любой беды меня уберезет. У нее отец наш деревенский знахарь, и сама сильной ведуньей стала, в силу вошла. Я это кольцо тоже не снимаю, как Любомысл свою серьгу. Да и в кошеле кой-какое серебро имеется. Я это точно знаю.

Любомысл довольно хмыкнул:

– Молодец Беляна, знала что такому молодцу как ты нужно. А у тебя Добромил что есть? – Тут Любомысл неожиданно хлопнул себя по лбу. – У тебя ж ничего серебряного нет! Ах, упустил из виду, старый пень! Да что ж это я, наставник называется!

– Вот, – Добромил бережено вытащил из-за ворота рубахи кожаный ремешок. На нем висел серебряный перстень украшенный зеленым самоцветом. – Это мне матушка Всеслава, княгиня, когда я в поход собирался, дала. Сказала что это старый перстень, и его в нашем роду все мужчины носили. Только он сейчас мне велик, и я его на шее ношу. Она еще добавила, что у моего деда сыновей не было, вот он и передал перстень ей, перед тем как навсегда уйти. Наказал, что если внук родится, ему передать.

Тут на лицо мальчика легла легкая грусть, видать вспомнил что-то тяжелое.

Борко тщательно себя обшарив, и со звоном вывернув кошель на лавку, задумался. Побогаче, чем Милован: и меди больше, и золота – аж две монеты! Но хоть тресни, никакого серебра ни в кошеле, ни на Борко не было.

– А я! – завопил молодец. – У меня точно серебра нет: ни денег, ни оберега. Я все осмотрел... Любомысл, может золото тоже помогает? Я ж теперь княжеский дружинник, человек не бедный. Чего с собой лишний раз серебро таскать, весит немало, а купишь на него ни в пример меньше, чем на золото. А без меди ни в какую корчму не пойдешь. Нет у меня серебра! – с отчаяньем крикнул Борко. – Не знаю я, что меня спасло! Может, и в меня нежить заползла?!

Милован и Добромил фыркнули, насколько потешно прозвучали слова Борко. Ну какая он нежить? Всегда веселый, бесшабашный. Наверно, плохо ищет, может, какая-нибудь монетка в сапог закатилась. Заулыбался и Прозор.

– Ну-ну! Слышал, Велислав? Нашим отрокам невместно в корчму с серебром ходить, тяжелое оно. Золотом средь кружек гремят, и медью питухов поражают... когда золотишко заканчивается. Богатые! Эх, молодо-зелено... Того не понимаете, что серебряная гривна, это то же самое оружие. – Прозор неувовимо извлек из-за пояса два увесистых длинных серебряных слитка. Хватко перекидывая их из ладони в ладонь он неожиданно гаркнул: – Бочонок!

Никто не понял, что он делает, а Прозор, ловко поведя рукой, откуда-то снизу, от пояса, метнул один из слитков в стоявший у печи бочонок с глиной, и сразу же сделал такое же движение другой рукой. В бочонке треснула, ломаясь, боковая доска, слитки со стуком упали на пол.

– Ух, ты-ы... – прошептал Добромил, а Борко и Милован завистливо крикнули и переглянулись. Такого они не видели, и даже предположить не могли, что серебряные гривны можно так ловко метать. Этого им ни Велислав, ни Прозор ни то что не показывали, но даже не говорили.

Прозор подошел к печи, поднял слитки и, обдувая невидимую пыль, так же неувовимо вернул на место, за широкий пояс. Венд остался серьезным, но глаза улыбались.

– Видели, молодцы? Вот так и вам надо уметь, в корчмах днища бочек вышибать, когда медная мелочь кончится, – Прозор захохотал.

– Прозор, чему ты их учишь? – улыбнулся Велислав. – Какая корчма, какие бочки?

– Велислав, а ты так умеешь? – возбужденно спросил Добромил. – Меня научите?

– Научим, научим, – ласково ответил Велислав. – И наших отроков научим, что оружие, это все, что под рукой находится. Надо только смекалку проявить. Вон, видели, что со слитками делать можно? И это не все.

– А что еще, Велислав? – не унимался княжич.

– А ты у Прозора спроси, я против него, как вот наши молодцы, что серебром брезгают. Вернемся в Виннету, чтоб сразу себе такие пояса сделали, жалованье серебром возьмете... поняли, парни? – Велислав мигом снял свой пояс, показал изнанку. На ней в ряд были подшиты увесистые, длинные серебряные гривны. – Весит немало, – сказал Велислав, – но тоже оружие. – Смотрите...

Крутя пояс перед собой, и ловко перехватывая его то одной рукой, то другой, Велислав неуловимо переставляя ноги двинулся к пострадавшему бочонку. Никакого взмаха ни Борко, ни Милован, ни, тем более, Добромил, не заметили. Но у бочонка с треском отлетела переломанная верхняя часть. Торчали осколки досок. А Прозор улыбался, они с другом давно придумали эту хитрость с поясами. Чего ходить порожняком? И деньги носить удобно, и при случае – если нет иного оружия – то таким тяжелым, увешанным серебром поясом, можно не только обороняться, но и одержать победу над вооруженным противником. Главное – это ловкость. В первую очередь они обучали именно этому качеству, сила не главное.

– И руку противнику легко сломает, и ногу, – сказал Велислав, надевая пояс и защелкивая увесистую пряжку. – Меч можно вырвать, копьё перебить. Много чего сделать можно, главное умение.

Борко и Милован растеряно переглядывались. До старших товарищей им еще ох, как далеко?

– Ладно, игры в сторону, – сказал Прозор, – серебра у тебя нет, Борко. А мне что-то вешует, что Любомысл прав – в нем все дело, оно от нежити оборонило. Чем же ты спасся, что сейчас не на лавке в беспмятстве лежишь, а бодрыми ногами бегаешь?

Борко растеряно развел руками: «Ну нет у меня ничего, что вы хотите, где я его возьму?»

– А ты отрок подумай немного! – с легкой ехидцей сказал Любомысл. – Что на вас, княжеских дружинниках, серебром гнушающихся надето? А?

Борко и Милован оглядывали друг-друга. Что увидел Любомысл, и что не видят они?

– Кольчуги... не снимая носим: приучаемся, чтоб потом не тяжело было. Меч у каждого. Так мечи простые: черена без затей, сам видишь. Еще красу не навели; ножи боевые. Все вроде, из оружия при нас ничего нет

– А причем тут оружие, молодцы? Я не про него речь веду. На плечах у вас что, кроме голов ваших разумных?

– Плащи дружинные.

– Вот то-то и оно, что плащи, – торжествуя молвил Любомысл. – Вы как дружинниками стали, так и не снимаете их. Ну, в холод, понятно... И ночью плащ тоже греет, а вот на солнышке, на жару, что сегодня была? Помню, как красовались, когда вас в дружину приняли! Грудь крутая, в кольчужной броне; шлемы начищены – аж глаза слепят; ноги расставлены – в сапогах расшитых, руки за поясами, плащи колышутся! Не подходи!.. Селезни, да и только! В счастье свое поверить не могут, – фыркнул Любомысл. – Ладно, такое один раз в жизни бывает, что тут скажешь. Понимаю, вам перед красными девицами, да перед простыми мужиками погарцевать, ой как хотелось! Мол, смотрите: мы хоть еще и молодые, но уже в княжеской дружине состоим – ох, и не простые мы парни, любуйтесь на нас, почитайте и опасайтесь.

– Да хватить тебе загадками говорить... – раздраженно бросил Борко. – Туману навел, Любомысл! И так настрадались сегодня, а тут еще ты жару поддаешь! Да, плащи дорогие, покрасоваться лестно, но дороже то, что с княжеским знаком они, с рысью.

Тут Борко замолчал на полуслове, чуть приоткрыл рот и оторопело глянул на Милована. Друг ответил таким же ошарашенным взглядом. Видно – обоих молодцев разом осенила одна и та же догадка... Как все просто!

– Ты что, Любомысл, – растеряно протянул Борко, – хочешь сказать, что вот эта рысь? – Не договорив, он ткнул пальцем на дружинный символ, что был вышит на правом плече. – Вот она.

– Вот именно, рысь! Серебром она расшита, серебряной нитью! Нить хоть и тонкая, но весу в ней немало, вот она нежить и отпугнула! Да-а, – качал головой Любомысл: – Вы по молодости даже в жару в этих плащах паритесь, не снимаете. Людям на смех. А вот они, – Любомысл указал на занавесь, за которой лежали больные безмолвные воины, – плащи скинули, прежде чем на берег пойти. Пекло-то какое днем стояло, даром, что весна! Только Велислав

не снял, Прозор, княжич и ты с Милованом. Ну, вы привычные... А мне плащ не полагается, я не дружинник. Так что благодари Борко Праматерь-Рысь, заступницу родовую.

– И гордыню непомерную, что плащ снимать не позволила, – добавил Прозор и засмеялся.

Другого объяснения, почему Борко не тронула непонятная хворь, нет.

Положа серебряную гривну на стол, Велислав вытащил тяжелый засапожный нож.

– Думаю нарубить ее на части, и каждому хворому кусочек на шею повестить, раз так дело обернулось. Конечно, – Велислав невесело усмехнулся, никто с собой денег в лес не взял, в походе они не к чему... В любой вендской деревне нас приветят, и за обиду почтут, если серебро и золото предложим. А так... Все знают, что достаточно чуток меди, да – мало ли какой случай выпадет: пару-другую золотых монет. Место немного занимают, пусть будут. Золото купцам таскать в радость, не княжеским дружинникам. Что скажешь, Любомысл? Рубим гривну, вешаем?

Старик кивнул – мудро придумано! – что тут скажешь. Пройдя к своей суме и достав из нее длинный шнурок, и стал резать его на части.

– Руби, Велислав! Все из-за того, что люди серебром пренебрегать стали. Раньше оно дороже золота ценилось. По миру ходило, и нежити меньше бесилось. Боги велели серебро любить! Не просто так его ценили, – досадливо изрек Любомысл. – Серебро, оно и есть серебро: вода в серебряной баклажке не портится и та же водка в резной серебряной чарке совсем другой вкус и дух имеет.

– Ну это ты загнул, Любомысл! Какой там особый вкус и дух?! – перебивая друг-друга завопили Милован и Борко. – Глаза на лоб лезут, а после того, как выпьешь, так плохо, так плохо!!!

– А вы ее жбанами не хлещите. Водка не квас и не пиво. Будете умеренно вкушать, тогда и вкус неповторимый учуете! – отрезал Любомысл. – Да и рано вам хлебными винами увлекаться: вон, молоко еще на губах не обсохло.

– Да не пьем мы, дед, ты же знаешь.

– Знаю, знаю... – заухмылялся Любомысл. – Слышал про это от вас, причем не раз, хвалю! Только вот кто, когда из отроков дружинником стал, да красивый княжеский плащ одел, потом все кусты на радостях обрыгал? Я что ли?

– Ну-у... было как-то, – покраснел Борко. – Да один раз всего-то повеселились, товарищей угостили, чего теперь – до конца дней нас корить будут?

– Нет, – засмеялся Любомысл, – до конца дней вас корить никто не станет, только очень злопамятный: как я, к примеру. Перемараться грязью, ой как легко, а оттереться... Будете меня слушать, все хорошо будет. Ну что там с серебром, Велислав, готово?

Слушая нравоученья Любомысла и про себя улыбаясь, Велислав подвинул старику несколько серебряных кусочков, а остальное, оставшееся от гривны, тщательно разрубал на мелкие части. Княжич Добромил и Прозор усердно ему помогали. Прозор вертел в серебре дырки, Добромил нанизывал кусочки на шнурок.

– Вот, Любомысл. Почти все готово, только знаешь, о чем я еще подумал?

– О чем?

– Повесим мы серебро на хворых. На всякий случай на себя по кусочку добавим. Лишнее не будет, я так считаю. А вот вдруг, еще какая-нибудь иная нежить появится? Не упырь-албаст, а что-нибудь другое, и много? Сдается мне, что Гнилая Топь, вернее то, что в ней засело, еще только показывать себя начало. Ох... – вздохнул Велислав, – думаю, это еще не конец... Хотя как хорошо, если бы я ошибался! Вот и готовлюсь на всякий случай. Вылезет еще что-нибудь вроде упыря, или вылетит... или выползет? Что тогда делать? Как совладать?

– Ну, и что ты хочешь? – с интересом спросил Любомысл. – К чему говоришь?

– Я вспомнил, что мы десять лет назад с Прозором делали. Помнишь, Прозор?

Еще бы не помнить! Тогда Велислав одержал славную победу. И за ум и смекалку его наградили славным прозвищем – Старой. Прозор молча кивнул, подошел к висящему на стене оружию, собрал тулы со стрелами, и положил их на стол. Также молча стал выкладывать стрелы, разделяя их. Охотничьи, с тупым наконечником чтоб не портить шкурку мелкого зверя складывал обратно в тулы. Боевые же: длинные с узким граненым наконечником – для дальнего боя, и тяжелые, с широким плоским наконечником – для битвы вблизи, оставил на столе.

Велислав одобрительно кивнул и взял в руки стрелу с черно-белым оперением. У княжича Добромила и молодцев, Борко и Милована, загорелись глаза. Они слышали о давнем сражении, что принесло Альтиде небывалую победу. И все Велислав! Сейчас они сами увидят, как действует опытный воин.

– Вот, Любомysl, хорошо бы вместо этого ножа, – Велислав показал на свой тяжелый, с широким – чуть не в ладонь! – лезвием, засапожный нож, – такой же, только из серебра сделанный. Я ведь тоже от умных людей слышал, что серебро против нежити – это первое средство. Но серебряного оружия у нас нет, и я придумал вот что: хочу нарубить из гривен что у нас есть кусочков побольше, да расплющить их потоньше. А потом к стрелам, у наконечников, примотать.

– Вот, смотрите, надо сюда пластинку примотать. – Велислав показал на место чуть ниже наконечника. Древо-то всяка с примотанным серебром в тело нежити войдет, а то и насквозь прошьет. Но это неважно, главное – зацепит. А стрелять мы все горазды! Для надежности и на бронебойные стрелы прикрепим, и на срезни, а если останется, то и охотничьи снарядим. Пусть они тупые – это неважно. Главное, чтоб по кусочку серебра на концах было, чтобы нежить хоть краем царапнуть.

Венды с любопытством выслушали, что предложил Велислав. Среди друзей давно считалось, что выдумать лучше, чем он, вряд ли кто-нибудь сможет.

– Да-а, это ты верно придумал, Велислав! – одобрительно закачал седой головой Любомysl. – Что там в Гнилой Топи засело, никто не знает! Когда нас всех на отмели скрутило, мне показалось, что в меня что-то войти хочет, но не может. Что-то не пускает эту страсть в меня...

– И у тебя тоже? – воскликнул Прозор. – Мы с Велиславом уже говорили об этом, когда наверх выходили.

Милован тревожно переглянулся с Борко и добавил:

– Знаете, и мне показалось, будто меня кто-то нехорошо рассматривает, будто я жертва какая-то, и примеряется, как в меня получше влезть... или сожрать... Хотя точно не знаю, может и показалось. Вы сейчас об этом говорите, мне и вспомнилось.

– Не показалось, – мрачно вставил Борко, – я тоже самое чувствовал.

– И я почувствовал, – сказал Добромл.

– Вот так, – торжествуя заключил старик, – все почувствовали! Теперь понятно, что это серебро нежить отпугивало. А вот им не повезло. – Любомysl показал на отгороженный угол. – Вот я и боюсь, что наших товарищей всерьез зацепило. Не знаю, что это, не слышал... Наверно, какое-то древнее колдовство. Хорошо бы их к знающему волхву отправить, да только где его сейчас возьмешь, – вздохнул старик.

Борко округлил глаза, отвесил губу, пробормотал обеспокоено: – Ты что, Любомysl, всерьез думаешь, что в них уже кто-то сидит? А вдруг выходить начнет, что тогда?

– Не знаю, не знаю, Борко. Но все равно, надо готовиться к худшему, как люди говорят: не думал не гадал, как в беду попал. Чтоб в большую беду не попасть, надо ее опередить, – заключил Любомysl. – Вон, вишь, что с Веденей, с рыбаком нашим случилось. Жил не тужил, и вот... В обличье упыря бродит... Эх!..

Тем временем Велислав закончил рубку серебра. Получилась изрядная горка.

– Не думайте о грустном, други! Чему быть того не миновать! Все обойдется. Сейчас расплющим серебро и к стрелам примотаем. Думаю, тонкая бечева согдится, если на пластинах зарубки сделать, чтоб не скользили. Прозор, тащи молот, плющить будем!

Великан почесал затылок: внизу башни он видел наковальню, но не тащить же ее сюда? Велислав увидел заминку друга, улыбнулся.

– Только пару молотов, один побольше – он вместо наковальни будет. Нам не кузница нужна. Видел как в городах золотых да серебряных дел мастера работают? Вот и мы так будем.

Прозор заулыбался: в самом деле, с тем инструментом, чем делают всякие безделки и ребенок управится. А серебро – оно мягкое, ни горна ни мехов не надо. Стучи в свое удовольствие.

– Сейчас... – Прозор исчез в темном проеме спуска.

– Так, – задумчиво сказал Велислав, – надо бечеву скрутить. Придется рубахой пожертвовать, и нее нитей надергаю.

– Я дам рубаху, Велислав! У меня новая есть, – с готовностью предложил Добромил. – Торба к седлу приторочена, в ней много чего. Меня матушка в поход собирала.

– Догоняй Прозора, носи рубаху! – весело воскликнул Велислав. – Если уж княгиня тебя в поход собирала, тогда да... Мудрая женщина твоя матушка – знает, что настоящему воину после похода надобно: как устанешь, так лучше нет, чем в бане попарится да чистое белье одеть. Добромил слегка зарделся от неожиданной похвалы и бесшумно бросился к проходу.

– Да, неудачно мы в этот раз к морю сходили, – покачивая головой протянул Любомысл, – семь смертей у Добромил на глазах, да еще Веденя в албаста обратился... Кто ж знал... Ладно, хоть испуга в нем нет – вон как в темень за рубахой порскнул.

– Плохо, конечно, все вышло. Да ничего не поправишь, – согласился Велислав. – Рано ему смерти видеть, хоть Добромил и будущий князь: привыкать должен. Но все равно – рано.

– А ведь Добромил совсем не балованный, даром что княжич, – добро улыбнулся Борко. – У меня младший братишка на него похож. Такой же простой и обходительный.

– Это все потому, что сызмалу его воспитывали не так, как других княжат. Другие балованные. И родители у Добромилы иные, сами знаете: отец – князь Молнезар, сильный воин, мать – Всеслава, дочь воеводы. Они жизнь не понаслышке знают, вот и хотят, чтобы Добромилу потом легче жить довелось. А воспитание у него наше – лесное! Леса у нас суровые, и люди такие же: суровые, но добрые и простые. Венд – есть венд. Добромил наш по духу! Сколько таких мальчишек в наших лесах живет, – согласно качнул головой Велислав. – Хороший человек из Добромилы выйдет! Все твоя заслуга, Любомысл! Глядишь, потом его и в какой-нибудь вендский род примем.

– Да и твоего тоже немало вложено, Велислав! – не преминул отозваться старик. – И в княжича, и в дружину вендскую, Таких воинов как наши, еще поискать надо! Верите ли – в разных странах был, многие воинства повидал: но таких дружинников, как наши, не встречал! Иноземные воины совсем другие.

– Какие же? – полюбопытствовал Борко.

– Да другие! – досадливо махнул рукой Любомысл. – Одинаковые все, да тупые! Думать почти не умеют. Что последний копейщик, что первый воинский начальник – все одинаковы! Мыслей у иноземных воинов никаких нет. А если и появляются, то все одинаковые, и их три: повкуснее пожрать, девку задрать, да объемистый жбан вина или пива в себя влить. И всё... Одним словом – дуболомы!

Борко и Милован смущенно фыркнули. Любомысл в нескольких нехитрых словах описал их собственные основные пожелания на ближайшие годы.

Но не их же старик имел в виду, в самом деле? Они ж не такие тупые дуболомы, раз в княжеской дружине состоят. Всем известно, что не каждый молодец сподобится в нее попасть.

Один из сотни этой чести удостоивается! И отбирают туда не за красоту, а за ум, смекалку и ловкость. А в вендских лесах все такие! Но они оказались лучшие, и гордятся этим.

– Ну ты сказанул, Любомысл! – воскликнул Милован. – Это что ж по твоему выходит, что мы тоже такие иноземные неучи, раз нам девушки, да вкусная еда нравятся?

– Да нет, ребята, – усмехнулся старик. – Я ведь не вас имел ввиду. Если б я про вас речи свои вел, так я б ничего такого не говорил. Зачем людей обижать? Да вы б и не поняли, что я речь про вас веду. И не обиделись бы... Вы другие: разумные, да думающие. А в еде, да в девушках-красавицах ничего плохого нет. Можете мне поверить. Знаю, что говорю.

Велислав тихонечко улыбался, слушая витиеватые нравоучения старика. Любомысл как всегда ненавязчиво, исподволь, занимался легким воспитанием. Ничего, бывшим отрокам полезно послушать умные речи: они не глупы, и сделают из слов Любомысла нужные выводы.

В это время из прохода ведущего в нижний ярус появился Прозор сопровождаемый Добромилем. Прозор поигрывал двумя кузнечными молотами, постукивал их друг о друга. А Добромил нес чистую, пошитую из льняного полотна рубаху. Обычный румянец на щеках исчез – лицо мальчика бледно. Добромил подошел к столу и молча положил перед Велиславом рубаху.

– Вот, – сказал он, – я сейчас нитей надергаю.

– Добромил, – спросил Велислав, – а не жалко? Смотри, какая вышивка красивая по вороту! Княгиня вышивала?

– Да, – односложно ответил мальчуган.

– Что, там внизу кто-то есть? – проницательно спросил Любомысл. Бледность мальчика не ускользнула от глаз старика. – Лошади беспокойны? Почувствовал что-нибудь?

Мальчик ответил не сразу. Понапрасну высказывать свои страхи и подозрения ему совсем не хотелось. Но, а вдруг ему не показалось, и албаст, про которого только что говорили, и который совсем недавно так перепугал Борко, действительно там! Страшный упырь стоит за крепкими башенными воротами, и подстерегает когда они выйдут наружу...

– Не знаю, – с сомнением сказал Добромил, – лошади спокойны, но ушами все-таки прыдут, хотя овсом хрумкают. Ведь если бы они боялись, то и есть не стали? Верно?

– Верно, – согласился Любомысл, – животины, она опасность завсегда чует! Человек так не может, хотя порой случается, что и его грызет что-то внутри, спокойно жить не дает, предостерегает. Ощущаешь, что ни к чему, допустим, каким-то делом именно сегодня заниматься. Если сомнения есть, то лучше ничего не начинать. Но верь нам, Добромил, если б тебе что-то внизу грозило, если б хоть один из нас это ощутил, в чем-то сомневался, то мы бы тебя вниз одного ни за что не пустили! Верь нам! Верно? Велислав? Прозор? Борко? Милован?

Венды, каждый по очереди, как только Любомысл называл их имена, серьезно кивали головам. Конечно, они б ни в коем разе не пустили княжича вниз, если бы что-то чувствовали! Но их всегда безошибочное, почти что звериное чутье, чутье охотников и следопытов, на этот раз молчало. Они точно знали, что внизу никакая опасность Добромилу не грозит. Ну, а мальчику полезно потихоньку вырабатывать в себе смелость. Все-таки Добромил будущий князь. Предводитель... Вождь...

Мальчик между тем ловко подпорол кончиком своего небольшого поясного ножа крепкие швы, и вытянул первую длинную нить:

– Вот, Велислав, такой длины пойдет? Как считаешь?

– Конечно пойдет, Добромил! Только надо и на серебряных пластинах, что нам сейчас Прозор накует, и на древке стрелы зарубки сделать, чтобы все крепче держалось. Давайте все этим займемся – хочется быстрее надежное оружие в руках держать. Тогда и страх исчезнет. Надеюсь, что эти серебряные стрелы нас от нежити спасут.

– Спасут, спасут, Велислав! – крикнул Любомысл. – Ты не сомневайся. Конечно, малюваты кусочки, но для мелкой нежити сгодится! Непременно должны прибить! А если здоровая

тварь попадет, те если не убьет, то отпугнет точно, да еще и поранит. А раз рану нанесет, то нежить опасаться станет. Это дело известное, не мы первые, не мы последние...

Меж тем, Прозор, Милован и Борко, рьяно принялись за дело; нарубленные кусочки серебра они плющили в тонкие пластины, несильно постукивая молотками, а затем наносили ножами на поверхность и по краям зарубки. Княжич со своим наставником Любомыслом занялись стрелами, делая ниже наконечников мелкие углубления.

– Знаешь, князь, мне кажется, ты чем-то опечален?.. – спросил Любомысл, беря очередную стрелу. – Иль не так?.. Иль ошибаюсь? Если ты нежити боишься, то не сомневайся, Добромил, все вместе мы ее запросто одолеем! Нечего ее бояться! Нам главное до утра спокойно дотянуть, а там, глядишь, солнышко выйдет: и не станет никакой нежити. Исчезнет до следующей ночи! А мы тем временем волхвов и ведунов искусных соберем. Пусть они кудесничают – это их дело. Мигом эту дрянь разгонят. И снова тут чистое место станет. Не надо нам в наших лесах пришлой жути! Своей хватает. Своя-то нечисть она знакомая, и опасаться ее не стоит! Издавна с ней ладим: мы ее не трогаем и она нас не касается. Наши лешие, русалки – они безобидные, а домовые – так те вообще чуть не друзья.

– А если ты печалишься, что наши дружинники погибли, – подхватил Велислав, – так они воины, Добромил! И перед Смертью-Мораной вели себя достойно. Они мужчины! Наши воины уже в Ирии. Не будет их бог Велес на своих лунных пастбищах держать, отпустит их с добром, ни к чему Велесу наши дружинники. И Чернобог с Ящером их не получают... И пойдут они по лунной дорожке к новой жизни... Нам радоваться за друзей надо, веселую тризну по ним справить. Ты же знаешь, не принято у вендов за ушедших в иной мир печалиться. Да и во всей Альтиде по ушедшим всегда веселье празднуют. Тем, кто в Нижний Мир пошел, легче: не отягощают их путь слезы близких. Хотя я слышал, что у других народов, наоборот, слезы льют... Так ведь Любомысл?

– Так, так, Велислав, – ловко делая неглубокие зарубки на древках стрел, ответил старик, – все правильно сказал. Те люди, которые иным богам поклоняются, считают, что по покойнику горевать надо и слезы лить. Только неправильно это, не по-людски...

– Нет, Велислав, я не о воинах, я о другом задумался, – тихо сказал мальчик. – Знаешь, когда я перстень, который мне матушка на шею повесила, вам показывал, ее слова вспомнил: "Этот перстень носили все мужчины в нашем роду, и передавать его должен мужчина мужчине... Но не получилось так: его мне мой отец, воевода Годослав, перед тем как навсегда уйти вручил, а теперь вот я, женщина, тебе его отдаю. Жаль, что не дед тебе его передал – радовался бы, что его род продолжился..."

– А ведь я совсем ничего не знаю о своем дед, – продолжил Добромил, – о нем все молчат – будто он никогда не жил. А этой зимой на торгу я с другими мальчишками ходил. Увидел купцов из Триграда, а они между собой спорили – чуть не ругались. И вот услышал, как один из купцов выкрикнул другому с обидой: "Ты совсем как воевода Годослав, при котором вестфолдинги чуть Триградом не овладели!" А ведь Годослав это мой дед. Ведь так, Любомысл?..

Любомысл крякнул, замаялся и отвел глаза от взгляда Добромилла. Потом тихо произнес: – Так княжич... Нам это ведомо...

– Тогда скажи мне, в чем его вина? Я хочу знать. Что он такого плохого сделал, что его именем до сих пор люди ругаются?..

За столом воцарилась тишина, маленький княжич задал неожиданный вопрос. Венды упорно избегали взгляда мальчика. Любомысл бросил быстрый взгляд на Велислава, тот, встретившись с ним глазами, медленно, едва заметно, мотнул головой: «Не надо!» Потом, увидя беспомощный, ищущий взор мальчика, неторопливо, с расстановкой произнес:

– Князь Добромил! Я скажу тебе вот что. Если твой дед и был виновен перед Альтидой, то эту вину он искупил более важным делом. Знай, княжич: воевода Годослав спас землю Альтиды дважды... Не так давно он помог своей родине еще раз. Об этом никто не догадывается,

но это так. Годослав не захотел, чтобы о его помощи знали другие. Это его тайна, его и моя. А я не имею права ее раскрыть. Но твердо могу сказать, что только благодаря твоему деду Альтида сейчас свободна от захватчиков. Благодаря твоему деду в Альтиде никто не погиб. Я твердо обещаю тебе, что когда мы вернемся в Виннету, расскажу тайну воеводы тебе и твоей матушке – княгине Всеславе. Расскажу все, что знаю о твоём деде, и о ее отце. Верь – воевода Годослав давно и многократно искупил свой грех.

– А вы чего заслушались! – цыкнул Велислав на Борко и Милована. – Придет время, может и вам расскажу... Давайте-ка работайте – дело доделывать надо. Не мешкайте... То, что сотворил воевода Годослав много лет тому назад – исправлено...

ГЛАВА 5. Начало давней истории

Давно это было, тридцать лет назад. Дед маленького княжича Добромила, воевода Годослав, жил в Триграде. И до сих пор в Альтиде не пришли к единому мнению, кем все-таки был он? Предателем, посягнувшим на главное достояние альтидцев – свободу? Или, наоборот, героем, избавившим альтидский народ от неведомого до сих пор, ужасающего рабства?!

Время, которое, как известно, многое проясняет, так и не дало ответ. Прав был воевода Годослав? Не прав? Верно ли он поступил тогда? Это до сих пор так и не решили. И дело вот в чем...

В стародавние времена вражьи набеги на Альтиду были не редки. Богатая страна в избытке имела все, что можно только пожелать. Альтида издавна привлекала алчные взоры захватчиков.

Еще бы! Им есть на что зариться! Альтидская земля казалась захватчикам цветущим раем, который каким-то чудом спустился с неба и простерся на суровой, враждебной земле. А все потому, что земли захватчиков не имели и малой доли того, чем обладала Альтида.

Под мягким лесным дерном и степным ковылем, внутри отлогих холмов, в песчаных обрывах рек скрывались бесценные богатства.

Копнешь глубже – в верном месте, и вот перед тобой мягкая железная руда. Из нее с помощью разных добавок вываривается прочнейшая, звонкая сталь. Найдешь точную примету, и вот перед рудознатцем открываются причудливые веточки самородной меди.

Остается извлечь руды на солнечный свет и с умением выварить на пламенном жару. И вот тяжелая огненная жижа обращается, или в воинский доспех, или наоборот – идет на повседневные надобности миролюбивого люда.

Из бесчисленных речек и ручейков свободолюбивые ребятишки частенько доставали тяжелые зеленые камешки самородного золота. В последнее время золото стало цениться дороже, чем вековечное серебро.

На полянах дубрав и среди Альтидских полей стоят бесчисленные колоды-борты. В них неустанные труженики-пчелы собирают еще одну славу Альтиды: тягучий, душистый мед и воск. Всему миру известно – лучше мёда, чем альтидский, нет. Славна Альтида и легчайшем мехом лесного зверя. Он несравненен – лучше и теплее не сыскать.

Много ценного есть в необъятной державе. И главное – была еще одна, самая главная и желанная добыча – люди.

Сильные работающие мужчины, владеющие тайнами ремесел. Известно – как ни пытайся, но сделать что-либо, как в Альтиде, не получится. Будет не то. К тому же – альтидские умельцы постоянно придумывают что-нибудь новое. Альтидские девушки с ранней поры искусные рукодельницы. Они красивы, из девушек выйдут вожаемые наложницы или послушные материродительницы, которые нарожают новые поколения крепких рабов. Рабы до самой смерти будут трудиться на завоевателей и их потомков.

В общем, есть за что рисковать животом. От столь радужного будущего у захватчиков мутился разум. Спешно собирались войска, и затевался набег.

В далекие времена с юга часто накатывали волны смуглых, опаленных иссушающим солнцем, черноволосых бородачей. В своей пустынной и бесплодной стороне они жили грабежом и разбоем.

Пустынные грабители имели обыкновение даже в неистовую жару облачаться в толстые, набитые пухом халаты. Поверх халатов надевалась броня. Все это утяжеляло движения. Как правило, они сражались пешими – лошадей у южных грабителей мало. До поля боя бородачи

добирались на длинноногих горбатых зверях, называемых верблюдами. Верблюдов редко удавалось приучить к битве – своенравные и упрямые звери пугались звуков сражения. Победа над бородачами была легка.

Иногда, из бескрайних, ковыльных степей, что простирались на востоке – за великой пограничной рекой, возникали бесчисленные шайки низкорослых желтолицых разбойников. Они ездили на злых мохнатых лошадках. Разбойники избегали открытого и честного боя. Желтолицые предпочитали издали выпустить тучи навесных стрел, а потом резво удрать подальше. Так они заманивали, выматывали и обескровливали противника. Но скоро выяснилось, что двухплечевые вендские луки били и дальше, и точнее. Это решало исход боя.

Ну, а неповоротливым рыцарям закатных стран, закованным с головы до пят в тяжелые гремящие доспехи, восседавшим на облаченных в такое же железо лошадах, хватило одной – всего лишь одной! – плачевной попытки. Они привыкли сражаться на турнирах и ломать длинные копыя на потеху себе и восхищенной толпе.

Постоянные мелкие междоусобицы приучили их к защите собственных, единоличных интересов. О настоящей, большой войне рыцари не имели представления, хотя и считались потомками великих завоевателей. Объединившиеся рыцари не смогли добиться ни согласованных действий в едином войске, ни долгожданной победы. После непродолжительных стычек, стремление к обогащению за счет Альтиды у них напрочь исчезло. И поспешили в альтидскую землю послы с богатыми дарами и клятвами в нерушимой дружбе! Предпочтение отдали вековечному замирению.

Бесславно бежав из Альтиды, рыцари вознесли хвалу богам за то, что их не стали преследовать дома. Оказалось, что боевым топором с удлинённой рукоятью и гранёным клювом-противовесом взамен плоского обуха, рыцарские доспехи великолепно, как подтаявшее масло, пробивались в самых уязвимых местах – сочленениях. Была б верная рука, а остальное приложится! А руки у альтидских воинов были крепки, и глаз точен. А если и шел могучий удар не совсем точно, то все равно – рыцарские латы редко оставались целыми. Стрела же, пущенная из вендского лука летела не на одну сотню шагов дальше, чем у лучших лучников закатных земель. Ее узкий, гранёный наконечник с успехом пробивал любой рыцарский доспех.

Другие же захватчики сразу бесславно заворачивали восвояси, неожиданно увидев перед собой множество воинов в вороненых доспехах. Отступали, мудро рассудив, что лучше искать счастья в другой стороне, и что победа над Альтидой, даже при сильном везении, почти невозможна.

А те, кто все же из упрямства и очертя голову бросались в битву, те попадали в полон или гибли в бесславной сече. Самоуверенные захватчики лишь в предсмертный миг осознавали, что в воинском деле решающее обстоятельство – не число воинов и грубая сила, а ум и мастерство.

Близок локоток – да не укусишь. Немало захватчиков приходило в альтидскую землю, немало их в ней же и полегло.

А ведь когда-то, в былые времена, и Альтида была разьединена на десятки независимых княжеств. И владетельные князья несли друг другу раздоры. По возможности каждый старался урвать кус и потолще, и пожирней. Вольные же города, где свободные жители решали свои вопросы на общих сборах, жили своим – обособленным миром.

Этим и пользовались иноземные захватчики. А если владения соседа объята пламенем, то жди – огонь перекинется и на твой дом. Ведь защищаясь порознь – каждый сам за себя – глупо рассчитывать на победу.

Так оно и случалось: завоеватель, покорив и разграбив очередное княжество или вольный город, на этом не останавливался. Он шел дальше и дальше – не встречая достойного отпора и покоряя все новые и новые земли. Это длилось веками.

И наконец-то пришло долгожданное время объединения. Владетельные альтидские князья смогли договориться и о мире, и – самое главное – о дружбе и взаимной помощи. Договорились и меж собой, и с независимыми городами, и со старейшинами лесных родов. Ведь очевидно, что родичам, в жилах которых течет кровь общих предков, делить, в общем-то, нечего. Лучше помогать друг-другу. Междоусобицы остались в прошлом. Завоевателей совместными усилиями вышибли быстро и беспощадно.

Мудрый шаг принес свои плоды: мощь объединенных альтидских дружин возросла многократно. Чужеземные недруги стали не так опасны. Со временем содружество окрепло. Альтида стала единой и могучей, стала державой.

И теперь слаженные боевые действия альтидских войск стали походить на бой единого, опытного и беспощадного воина. Бывалый боец осторожен. Сначала он узнает, на что способен противник, выведает его сильные и слабые стороны. И только немного подождяв и выяснив, решает, как действовать: измотать неприятеля частыми ударами и ожидать, когда он ослабнет, или внезапно покончить с врагом одним сокрушительным ударом.

Итак – выяснено, что собой представляет противник. Вывод, единственный и верный, сделан. Ноги в боевой стойке. Тело плавно изгибается, уходя от вражьего замаха. Руки: левая – отражает щитом натиск, правая – ведет неуловимое и смертельное движение мечом. А может, и не так. Без щита. Двумя мечами. Каждая рука замысловато, своим путем, ведет меч. И этими мечами неприятель крошится в сечку. Или выбирается иное, но обязательно верное решение. Ни один бой альтидских войск не повторял предыдущего. Каждый раз враг сталкивался с чем-то новым. Предвидеть действия сплоченных альтидских дружин невозможно. Вот так, с течением времени, стали сражаться войска объединенной Альтиды.

Еще бы! Долгими зимними вечерами воеводы и опытные воины, собравшись на дружинных сходах, совместно искали ответы на возможные нападки неприятеля. Также – каждую осень, после сбора урожая, созывалось ополчение. В ополчении и земледельцы, и городские ремесленники обучались воинским навыкам. В Альтиде каждый мужчина должен уметь постоять и за свою страну, и за себя.

Так что те захватчики, кто смог унести ноги, навсегда закаялись искать легкой поживы в многочисленных и богатых городах Альтиды.

Богатства альтидских земель лишили покоя многих завоевателей, и жители Вестфолда, называвшие себя викингами, тоже оказались в их числе.

Особой дружбы меж альтидцами и вестфолдингами не было, но не было и вражды. С давних пор меж Альтидой и Вестфолдом установились крепкие торговые связи. Они и объединяли две сильные державы.

В основном викинги везли в Альтиду морскую рыбу. Они искусно, разными способами готовили ее: солили, пересыпая пахучими травами; томили в вине или уксусе; коптили в особых печах на можжевелевом или ольховом дыму; вялили на берегах фьордов, чтоб рыба впитала дыхание океанского ветра.

У каждого вестфолдинга был свой, переданный предками и хранимый в тайне способ. Приготовить и сохранить рыбу лучше, чем это делали викинги, не получалось ни у одного народа.

Еще морские охотники везли в Альтиду особую гордость Вестфолда: жир и воск огромных рыб – кашалотов. Только викинги осмеливались выходить на бой с этими великанами. Никто больше! Ведь охота на кашалота часто несла отважным добытчикам гибель. Разъяренный великан порой в щепки разбивал драккар смелых охотников, и, когда викинги оказывались в воде, безжалостно расправлялся с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.